

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Меры пресечения как вид мер уголовно-процессуального принуждения в
уголовном процессе РФ»

Студент

Д.С. Скакун

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Т.В. Мычак

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Дипломная работа на тему: «Меры пресечения как вид мер уголовно-процессуального принуждения в уголовном процессе РФ» посвящена исследованию правовой природы, значения, видов и проблем применения мер пресечения в российском уголовном процессе как вида мер уголовно-процессуального принуждения.

Актуальность исследования обусловлена несовершенством законодательства и практики применения мер пресечения в уголовном процессе. В связи с чем автор ставит целью исследования анализ правовых норм и практики применения мер пресечения в уголовном процессе РФ, а также разработку путей его совершенствования.

В качестве объекта исследования рассмотрены общественные отношения, складывающиеся в процессе избрания мер пресечения в уголовном процессе. Предметом исследования являются правовые нормы, регулирующие порядок избрания мер пресечения.

Структурно работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников. Во введении рассмотрены актуальность темы, объект, предмет исследования, цели и задачи исследования, проведен анализ научной и нормативной базы исследования.

Первая глава посвящена рассмотрению общей характеристике мер пресечения в системе уголовно-процессуального принуждения. Во второй главе рассмотрены отдельные меры пресечения и дана общая характеристика некоторым из них. Третья глава посвящена рассмотрению проблем применения мер пресечения и разработке путей совершенствования действующего законодательства.

В заключении подведены итоги исследования и сделаны наиболее важные выводы и предложения.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика мер пресечения в системе уголовно- процессуального принуждения	8
1.1 Понятие и система уголовно-процессуального принуждения.....	8
1.2 Система мер пресечения и основания их применения	19
Глава 2 Отдельные меры пресечения в уголовном процессе России.....	25
2.1 Содержание под стражей, как исключительная мера пресечения.....	25
2.2 Применение мер пресечения, альтернативных заключению под стражу .	34
2.3 Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым	47
Глава 3 Актуальные проблемы применения мер пресечения в современном уголовном процессе в Российской Федерации.....	51
3.1 Законодательные вопросы регламентации мер уголовно-процессуального принуждения в УПК РФ	51
3.2 Проблемы практики применения отдельных мер пресечения в уголовном процессе	63
Заключение	67
Список используемой литературы и используемых источников	73

Введение

Актуальность темы исследования. В настоящее время в Российской Федерации порядок уголовного судопроизводства определяется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ, который основан на Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 года.

Как известно, вышеуказанными нормативно-правовыми актами уголовно-процессуального законодательства, среди прочего, органы предварительного расследования наделены правом применять в установленном порядке меры принуждения к участникам уголовного судопроизводства в целях наиболее эффективного и действенного достижения целей такого судопроизводства. Среди таких мер, особо выделяются меры пресечения, которые применяются исключительно к подозреваемому, обвиняемому или подсудимому.

Одновременно с тем, что меры пресечения призваны максимально эффективно и действенно обеспечить исполнения перечисленными участниками их обязанностей, предупредить или пресечь возможные действия последних, направленные на незаконное противодействие расследованию преступления, судебному рассмотрению дела, исполнению приговора и т.п., последние являются легальным (законным) способом полного или частичного ограничения гражданских прав и свобод перечисленных участников уголовного процесса. Причём речь идёт о конституционных, то есть о наиболее значимых и ценных правах и свободах таких лиц: право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции), право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции), право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и

жительства в соответствии с законом (ст. 27 Конституции) и прочие права и свободы.

То обстоятельство, что применение меры пресечения к подозреваемому, обвиняемому или подсудимому неизбежно приводит к ограничению его основополагающих конституционных прав и свобод, обуславливает необходимость построения максимально действенной и эффективной правовой конструкции и правового механизма применения каждой из существующих на данный момент мер пресечения, для чего необходимо постоянное изучение и исследование данного вопроса.

При этом, отдельное внимание среди существующих мер пресечения следует уделить таким мерам пресечения, как заключение под стражу, домашний арест и залог. Так, извечной проблемой уголовного процесса, с позиции правозащитников, является чрезмерное доминирование среди мер пресечения именно заключения под стражу. В свою очередь, домашний арест и залог, являются возможными альтернативами заключения под стражу и, в то же время, несравненно более гуманными. В связи с этим, комплексное исследование правового регулирования данных мер и других альтернативных им мер пресечения, в том числе в отношении несовершеннолетних, является одним из способов построения эффективного и действенного баланса между соблюдением интересов органов предварительного расследования и прокурора (стороны обвинения) и стороны защиты.

Учитывая вышеизложенное, актуальность избранной темы исследования обусловлена постоянной необходимостью поиска путей и способов совершенствования правового регулирования применения судами мер пресечения как разновидностей мер процессуального принуждения.

Степень исследования темы. Стоит отметить, что различные вопросы, связанные с применением мер уголовного-процессуального принуждения, мер пресечения постоянно привлекают внимание учёных, предметно исследуются как на монографическом, диссертационном уровне, так и на уровне отдельных научных публикаций. Среди российских учёных, которые в последние годы

уделяли предметное внимание рассматриваемой теме, можно выделить следующих: А.С. Александров, Н.А. Андронник, Г.В. Абшилава, В.М. Быкова, С.А. Баранова, В.М. Баранова, К.Т. Бабаева, И.П. Гладышева, М.О. Боева, В.И. Щукина, Р.А. Боташева, В.П. Божьева, Е.Г. Васильева, Д.А. Воронова, А.Е. Григорьева, А.С. Дежнева, Д.А. Долгушина, Ю.В. Ендольцеву, А.А. Козлова, Ю.А. Ковтун, Р.М. Шевцова, Д.Н. Рудова, А.С. Картеникова, К.А. Арзамасцева, С.В. Колосоква, С.М. Фетищева, Н.А. Колоколова, Л.И. Даньшину, О.А. Максимова, Р.В. Ярцева и других.

Перечисленными учёными затрагивались различные проблемные вопросы, от общетеоретических концепций применения мер пресечения, поиска путей и способов упрощения применения различных мер принуждения (мер пресечения), решения проблем опеки и попечения несовершеннолетних или малолетних детей, которые остаются без попечения при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, решения проблем поиска оптимальных оснований для избрания различных мер пресечения, особенностях применения мер пресечения по делам о преступлениях экономической направленности, проблемам и недостаткам применения уголовно-процессуального законодательства о мерах пресечения в практической деятельности следственно-судебных органов и т.п.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие между участниками уголовного судопроизводства в процессе избрания и применения мер пресечения в уголовном процессе РФ.

Предметом исследования является совокупность правовых норм, регулирующих основания применения, порядок избрания и виды мер пресечения в уголовном процессе РФ, а также правоприменительная практика.

Цели и задачи исследования. Целью данного исследования является поиск путей и способов совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части правового регулирования применения мер пресечения как разновидностей мер уголовно-процессуального принуждения.

В соответствии с поставленной целью исследования, определены её следующие задачи:

- определить понятие и систему мер уголовно-процессуального принуждения;
- охарактеризовать систему мер пресечения и основания их применения;
- определить содержание под стражей, как исключительная мера пресечения;
- охарактеризовать применение мер пресечения, альтернативных заключению под стражу;
- проанализировать присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- исследовать законодательные вопросы регламентации мер уголовно-процессуального принуждения в УПК РФ;
- рассмотреть проблемы практики применения отдельных мер пресечения в уголовном процессе.

Методы исследования. В соответствии с целью и задачами данного исследования в нём используются совокупность методов научного познания. Главным в этой системе выступает общенаучный диалектический метод, в рамках которого были применены такие приёмы познания, как анализ и синтез, абстракция и восхождение от абстрактного к конкретному. Так же, широко применяется логический метод, суть которого заключается в выявлении внешних признаков правовых явлений, их отличия друг от друга, установлении классификаций, создании логических конструкций на базе законодательных (легальных) понятий и определений. Историко-правовой метод применяется для изучения становления и дальнейшего развития современной законодательной концепции участия адвоката в уголовном процессе.

Структура дипломной работы. Структура работы обусловлена поставленной целью и задачами и состоит из введения, основной части, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика мер пресечения в системе уголовно-процессуального принуждения

1.1 Понятие и система уголовно-процессуального принуждения

Действующий в настоящий момент в России Уголовно-процессуальный закон был принят в 2001 году (далее УПК РФ) и предусматривает разделы, предметно посвящённые вопросам мер процессуального принуждения. Это разделы, посвящённые задержанию лица по подозрению в совершении преступления, раздел, посвящённый мерам пресечения и раздел, посвящённый другим мерам процессуального принуждения.

В научной литературе отмечается, что меры принуждения, как и любые другие государственно-принудительные меры (будь то, административные, управленческие меры или любые другие), могут применяться только уполномоченными на то органами государственной власти. основополагающим межотраслевым правилом здесь выступает конституционное положение, согласно которому органы государственной власти и местного самоуправления, их должностные лица обязаны исполнять свои полномочия только в порядке, предусмотренном законом. Данное правило, в первую очередь, предусматривает наличие у такого государственного органа соответствующего полномочия, его пределов. Второе, безусловное правило, заключается в том, что основания и порядок применения таких мер предусмотрены уголовным процессуальным законодательством, основанным на требованиях Конституции [51, с. 222].

В результате проведённого анализа научной и учебной литературы, установлено, что общим требованием к мерам уголовно-процессуального принуждения является необходимость соблюдения оснований, которые перечислены в статьях 91, 97, 111 УПК РФ. При этом, основополагающим требованием является обоснованность и мотивированности принятого решения о применении любой из мер принуждения. В свою очередь,

необходимо разделять требования обоснованности и мотивированности. Мотивация меры принуждения подразумевает под собой необходимость логико-фактической связи между принятым решением и фактическими обстоятельствами по уголовному делу, которые излагаются в соответствующем постановлении (следователя, суда и т.п.). Учитывая, что речь идёт о временном ограничении основополагающих прав и свобод человека, требование мотивированности и обоснованности должны соблюдаться безусловно [31, с. 7; 36, с. 144-148; 42, с. 226-228; 45, с. 250-252; 46, с. 218]. Обоснованность, среди прочего, предполагает наличие законных оснований, соблюдение порядка применения меры принуждения. Соответствия применяемой уголовно-процессуальной нормы фактическим отношениям.

Далее рассмотрим вопросы определения меры процессуального принуждения. Учитывая, что основное внимание в исследовании уделено мерам пресечения, которые являются разновидностью мер принуждения, мы не будем рассматривать все существующие по этому поводу научные взгляды и позиции.

Отметим, что одним из наиболее распространённых подходов является определение, мер уголовно-процессуального принуждения, как меры государственно-властного принуждения, которые применяются уполномоченными государственными органами по уголовному делу в отношении участников уголовного дела в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством в целях обеспечения надлежащего порядка уголовного судопроизводства.

Учёными отмечается, что действительность такова, что далеко не все участники уголовного судопроизводства ведут себя правомерно, исполняют свои обязанности участников судопроизводства, что и обуславливает необходимость применения в отношении таких лиц принудительных мер [51, с. 222]. Обусловленность таких мер заключается в том, что «ценность» справедливого и правильного разрешения дела в данном случае, более важна

прав и свобод участника правоотношений, которые могут быть ограничены в результате применения принудительной меры. Тем более что такие лица сами «виноваты» в том, что к последним применяется мера принуждения, поскольку последняя, как правило, является реакцией уполномоченных лиц на недобросовестное поведение участника судопроизводства [51, с. 195-197].

Как уже указывалось, существующие меры принуждения разделены на три главы, а именно меры процессуального принуждения: (глава 12 УПК РФ) задержание подозреваемого, (глава 13 УПК РФ) меры процессуального пресечения (глава 14 УПК РФ) и иные меры принуждения.

Рассматривая вопрос о классификации мер принуждения, отметим, что такие классификации существуют различные, например, в зависимости от цели применения меры принуждения и их задач [25, с. 115-117]. Одной из наиболее распространённых (общепринятых) классификация является следующая:

«1) меры пресечения - подписка о невыезде и надлежащем поведении; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым; залог; домашний арест; заключение под стражу;

2) меры процессуального принуждения, направленные на обеспечение процесса доказывания-задержание подозреваемого;

3) меры процессуального принуждения, обеспечивающие процесс расследования и судебного разбирательства - обязательство о явке; привод; временное отстранение от должности; денежное взыскание;

4) меры направленные на обеспечение возмещения вреда причиненного преступлением - наложение ареста на имущество; наложение ареста на ценные бумаги» [51, с. 222].

Далее рассмотрим вопрос определения меры пресечения как одной из разновидностей мер уголовно-процессуального принуждения. Для того, чтобы определить понятие мер пресечения в уголовном процессе, необходимо, в

первую очередь, рассмотреть признаки данного правового явления, указанные в законодательстве, а именно, в УПК РФ.

Так, ст. 5 УПК РФ в которой приводятся определения конкретных понятий, не раскрывает понятие меры пресечения. В тоже время, имеется определение «избрания меры пресечения» как «принятие дознавателем, следователем, а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого» (п. 13 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). Под применением меры пресечения УПК РФ понимает «процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения» (п. 29 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). Также раскрыто понятие и содержания под стражей, которое заключается в пребывание «лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, либо обвиняемого, к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, в следственном изоляторе либо ином месте, определяемом федеральным законом» (п. 42 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Вместе с тем, приведённых законодательных положений явно недостаточно для формирования определения рассматриваемого понятия, для чего, в первую очередь, необходимо понимание именно его сущности.

Также необходимо отметить, что, как отмечает А.С. Дежнев, развитие науки всегда связано с совершенствованием ее понятийного аппарата. В частности, от точности и строгости понятий и категорий правовой науки в значительной мере зависит не только разработка теоретических проблем права, но и применение закона на практике. Чем точнее закон, тем легче его исполнять. Точность же законов определяется, прежде всего точностью и строгостью понятий, посредством которых они выражены. Неопределенные, неточные понятия ведут к неясности и расплывчивости закона, что неизбежно затрудняет уяснение его смысла и отрицательно сказывается на практике применения [19].

Отметим, что понятие «мера пресечения» не является исключением. Дискуссия о содержании данного понятия существует в науке длительное время. Далее рассмотрим основные существующие подходы.

Так, Н.И. Капинус определяет меры пресечения как «... предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры процессуального принуждения, которые применяются по установленным законом основаниям и в регламентированном законом порядке уполномоченными на то государственными органами к обвиняемому, а в исключительных случаях - и к подозреваемому с целью помешать им скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу, продолжать заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора, и которые заключаются в лишении либо ограничении личных, имущественных или иных прав в пределах, установленных нормами уголовно-процессуального закона» [26, с. 15-18]. Как мы можем видеть, в предлагаемом Н.И. Капинус определении имеется ссылка на то, что мера пресечения является частью более общего понятия мер принуждения, что она применяется только в установленном законом порядке при наличии установленных законом оснований только уполномоченными законом субъектами. Вместе с тем, последние отсылки видятся не совсем удачными, поскольку не раскрывают сущности понятия, его особенности и не выделяют его среди других регламентированных мер УПК РФ, которые также совершаются в установленном порядке, по установленным основаниям и строго определёнными субъектами. Также, Н.И. Капинус в целях раскрытия сущности мер пресечения указывает в каких целях последние применяются.

В свою очередь, профессор В. А. Михайлов даёт несколько иную дефиницию мер пресечения: «это установленные законом меры государственного (процессуального) принуждения, с помощью которых путем ограничения личных прав и личной свободы обвиняемого, получения имущественных гарантий, личного или общественного поручительства, а

также наблюдения (надзора, присмотра) за обвиняемым устраняется для последнего возможность скрыться от дознания, предварительного следствия, суда, отлучаться без соответствующего разрешения с места жительства или временного нахождения, предупреждается, пресекается, нейтрализуется и устраняется неправомерное противодействие со стороны обвиняемого установлению по делу истины, обеспечивается его надлежащее поведение, исключающее совершение новых преступлений, своевременная явка по вызовам органов расследования, прокурора, суда, а также исполнение приговора» [31, с. 24]. Предлагаемое определение содержит, как представляется, существенный признак мер пресечения: применение практически каждой из них временно ограничивает или вообще лишает подозреваемого, обвиняемого или подсудимого ранее перечисленных конституционных прав. Так же указана общая цель применения меры пресечения, которая заключается в обеспечении надлежащего проведения уголовного судопроизводства.

Близкое к этому понятие предложено Л.И. Даньшиной. По ее мнению, меры пресечения - это предусмотренные законом средства воздействия на обвиняемого (подозреваемого), которые заключаются в лишении или ограничении его свободы, угрозе имущественных потерь или установлении за ним присмотра и применяются в целях воспрепятствовать ему скрыться от следствия и суда, помешать установлению истины, продолжить преступную деятельность и уклониться от отбывания наказания [20, с. 15].

В целом, в приведенных определениях присутствуют как сходства, так и некоторые различия. Практически всеми авторами отмечается признак принуждения, присущий мерам пресечения. Отмечается, что «принуждение представляет собой метод воздействия, который обеспечивает совершение действий людьми вопреки их воле, в интересах принуждающей стороны. Необходимость в нем возникает при противоречивости стремлений двух субъектов, из которых один предписывает выполнение своего требования другому. Посредством принуждения подавляются, тормозятся

противостоящие общественной или иной воле мотивы поступков человека, ограничивается свобода его действий, стимулируется желательное поведение» [41].

Действительно каждая из мер пресечения включает в себя ограничение прав и свобод человека, поэтому указание в определении понятия мер пресечения на то, что они являются «принудительными мерами» либо «средствами процессуального принуждения» является вполне оправданным.

Представляется справедливым включение в дефиницию мер пресечения и указание на их принадлежность к уголовно-процессуальной отрасли, что позволяет сузить круг мер принудительного воздействия. Однако использование в то же время в определении термина «государственное процессуальное принуждение» видится некоторым нагромождением, так как уголовно-процессуальная деятельность - вид государственной деятельности, следовательно, процессуальное принуждение является принуждением государственным.

Д.А. Воронов отмечает, что «вопрос о необходимости включения в понятие мер пресечения субъекта и объекта их применения также представляет собой определенный интерес. Данные понятия являются философскими категориями. Объектом называют то, что противостоит субъекту, то есть сознанию, внутреннему миру как действительное, часть внешнего мира. Под субъектом принято понимать объективированного индивида, которому противостоит объект и который направляет на этот объект свое познание или действие» [13, с. 12].

В соответствии с п. 1 ст. 97 УПК РФ субъектами избрания меры пресечения являются дознаватель, следователь, а также суд. Им предоставлено право в пределах имеющихся полномочий назначить объекту (обвиняемому, подозреваемому) одну из мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Думается, что включение в определение мер пресечения субъектов, их применяющих, не является обязательным, так как указание на уголовно-процессуальный закон, регламентирующий порядок

применения рассматриваемых мер, вполне может компенсировать данный недостаток. В то же время конкретизация субъектов, наделенных возможностью использовать данные меры принуждения, позволяет исключить из их числа орган дознания, который таким правом не обладает.

Объект применения мер пресечения необходимо включить в рассматриваемое понятие, поскольку статус лица имеет большое значение для решения вопроса о возможности использования в отношении него какой-либо из мер процессуального принуждения. Например, обязательство о явке и привод могут быть применены как к обвиняемому (подозреваемому), так и к потерпевшему, свидетелю, эксперту, специалисту, переводчику, понятому. Меры же пресечения применяются исключительно в отношении обвиняемого (подозреваемого). Следовательно, от того, каким статусом обладает лицо, зависит, какие его права и в какой момент могут быть ограничены.

Некоторые авторы, давая определение мерам пресечения, указывают на ограничение прав и свобод обвиняемого (подозреваемого), одновременно включая в рассматриваемое понятие формулировку «меры государственного (процессуального) принуждения». Но в связи с тем, что способ «путем ограничения личных прав и личной свободы обвиняемого» уже означает принуждение, суть которого и есть подобные ограничения, указание в понятии мер пресечения на «ограничение прав и свобод обвиняемого (подозреваемого)», наряду с «мерой принуждения» является излишним.

Особое место в определении мер пресечения занимают цели их применения. Цель представляет собой предвосхищение в сознании человека результата, на достижение которого направлены действия. В качестве непосредственного мотива, цель направляет и регулирует действия, пронизывает практику как внутренний закон, которому человек подчиняет свою волю. Цель, выражая активную сторону человеческого сознания, должна находиться в соответствии с объективными законами, реальными возможностями окружающего мира и самого субъекта.

УПК РФ специально не предусматривает цели применения мер пресечения. Исключением является мера пресечения в виде залога, с помощью которого достигается обеспечение явки обвиняемого (подозреваемого) к следователю, дознавателю или в суд, а также предупреждение совершения им новых преступлений.

Отсутствие законодательного определения целей применения мер пресечения привело к появлению в специальной литературе различных мнений на этот счет.

Так, З.Ф. Коврига указывает в качестве целей применения мер пресечения «воспрепятствование обвиняемому или подозреваемому скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, помешать установлению истины по делу, продолжать преступную деятельность или уклониться от отбывания наказания» [12]. Аналогичного мнения придерживаются Н.И. Капинус и Л.И. Даньшина [20, с. 9], [26, с. 19].

В.А. Михайлов отождествляет цели мер пресечения с их фактическим результатом: «устранить для обвиняемого возможность скрыться от дознания, предварительного следствия, суда, отлучаться без соответствующего разрешения с места жительства или временного нахождения; предупредить, пресечь, нейтрализовать и устранить неправомерное противодействие со стороны обвиняемого установлению по делу истины; обеспечить его надлежащее поведение, исключающее совершение новых преступлений, своевременную явку по вызовам органов расследования, прокурора, суда, а также исполнение приговора» [31, с. 20].

Некоторые авторы отождествляют цели мер пресечения с основаниями их применения, указывая в качестве последних имеющиеся данные о том, что обвиняемый (подозреваемый) скроется от дознания, предварительного следствия и суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения

приговора суда [12]. Это вполне объяснимо, так как сам законодатель заложил в основаниях применения мер пресечения их цели. Однако данные понятия имеют качественную определенность, и поэтому обоснована попытка авторов сформулировать указанные цели.

Целями применения мер пресечения является предотвращение возможности для обвиняемого (подозреваемого) скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, продолжать заниматься преступной деятельностью, препятствовать производству по уголовному делу. Кроме того, меры пресечения могут применяться с целью обеспечения исполнения приговора.

Указанные цели позволяют выделить меры пресечения из других уголовно-процессуальных мер принудительного воздействия. В отличие от мер пресечения такие меры принуждения, как привод, обязательство о явке применяются только с целью обеспечения явки лица в органы расследования или в суд; наложение ареста на имущество имеет целью обеспечение приговора в части имущественных взысканий; задержание применяется в целях выяснения причастности задержанного к совершению преступления, а также решения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу. Что касается указания в понятии мер пресечения основания и порядка их применения, то достаточным будет предусмотреть ссылку на уголовно-процессуальный закон, тем самым сделав определение более лаконичным и простым.

Таким образом, меры пресечения - это уголовно-процессуальные меры принудительного воздействия, применяемые по основаниям и в порядке, установленном УПК РФ, дознавателем, следователем и судом в отношении обвиняемого (подозреваемого), заключающиеся в установлении для последнего временных ограничений или лишения прав и свобод, в целях предотвращения для него возможности скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, продолжать заниматься преступной

деятельностью, препятствовать производству по уголовному делу, а также обеспечения исполнения приговора.

Подводя итоги, сделаем следующие выводы:

- Мера уголовно-процессуального принуждения представляет собой меру государственно-властного принуждения, которые применяются уполномоченными государственными органами по уголовному делу в отношении участников уголовного дела в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством в целях обеспечения надлежащего порядка уголовного судопроизводства.
- Мера пресечения - это уголовно-процессуальные меры принудительного воздействия, применяемые по основаниям и в порядке, установленном УПК РФ, дознавателем, следователем и судом в отношении обвиняемого (подозреваемого), заключающиеся в установлении для последнего временных ограничений или лишения прав и свобод, в целях предотвращения для него возможности скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, продолжать заниматься преступной деятельностью, препятствовать производству по уголовному делу, а также обеспечения исполнения приговора.
- Сущностной характеристикой меры пресечения является то, что она носит обеспечительный характер и направлена на создание надлежащих условий для выполнения обязанностей возложенных на подозреваемого или обвиняемого при условии, что возникли риски невыполнения указанными участниками таких обязательств. Данные риски, в случае их воплощения, существенно затрудняют установление истины по уголовному делу, могут привести к невозможности отправления правосудия, привлечения лица к уголовной ответственности, к уничтожению доказательств, оказанию незаконного влияния на свидетелей и других участников и

прочим негативным последствиям, которые или существенно затрудняют, или делают невозможными достижения целей уголовного судопроизводства.

1.2 Система мер пресечения и основания их применения

Рассмотрим существующие виды и классификацию мер пресечения. Меры пресечения, перечислены в ст. 101 УПК РФ, в соответствии с которой к ним относятся: подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; запрет определенных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу.

Общепринятым является то, что меры пресечения, указанные в УПК РФ, расположены в определенной последовательности - в порядке увеличения строгости. Однако, как утверждает И.С. Тройнова, УПК РФ «лишь перечисляет виды мер пресечения. Уголовно-процессуальный закон не рассматривает, что данный перечень имеет строго установленную систему и что одни меры пресечения являются более строгими по отношению к другим» [43, с. 493].

Все предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством меры пресечения можно классифицировать по различным основаниям.

Так, в зависимости от круга лиц, к которым могут применяться меры пресечения:

- общие меры пресечения - применяются к любому обвиняемому (подозреваемому). К общим мерам пресечения относится подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, залог, домашний арест, заключение под стражу;
- индивидуальные меры пресечения - применяются к определенным субъектам, а именно к военнослужащим и несовершеннолетним. К специальным мерам пресечения относится наблюдение

командования воинской части и присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым).

Представляется интересной классификация, предложенная А.В. Смирновым, который предлагает разделять меры пресечения по виду принуждения на физически-принудительные и психологически-принудительные меры [46, с. 253].

К физически-принудительным мерам пресечения относят заключение под стражу и домашний арест, которые физически ограничивают личную свободу обвиняемого, изолируя его от общества. Они избираются и применяются непосредственно к обвиняемому без согласия заинтересованных лиц. Прямое ограничение личной неприкосновенности требует состязательной процедуры избрания таких мер пресечения. С тяжестью данных мер пресечения связано и специальное ограничение срока их применения.

Остальные меры пресечения относятся к психологически-принудительным. Они ограничивают личную свободу обвиняемого психическим воздействием. Эти меры не связаны с изоляцией от общества, избираются и применяются при согласии заинтересованных лиц (а иногда только по их ходатайству), без специально установленного срока.

Избрание и применение психолого-принудительных мер пресечения регулируется Стандартными минимальными правилами ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) 1990 года. Согласно п. 3.4 этих Правил, «не связанные с тюремным заключением меры, которые накладывают какое-либо обязательство на обвиняемого (подозреваемого) и применяются до формального разбирательства или суда или вместо них, требуют согласия обвиняемого (подозреваемого)» [34].

Итак, суть психологически-принудительных мер пресечения состоит в том, что на обвиняемого возлагается моральное обязательство надлежащего поведения. Это обязательство может возлагаться на обвиняемого с помощью

психологического воздействия, направленного непосредственно на него или опосредованно, через третьих лиц.

При этом нельзя упускать из виду, что «все психологически-принудительные меры пресечения обеспечиваются угрозой применения более строгой меры пресечения в случае процессуальных нарушений со стороны обвиняемого. Однако эта санкция преследует скорее не карательные, а восстановительные цели - обеспечение надлежащего поведения обвиняемого» [45, с. 323].

Далее рассмотрим общие основания и порядок их применения. При этом, специальные правила избрания отдельных мер пресечения будут рассмотрены в следующих частях настоящего исследования.

Основания для избрания меры пресечения по уголовно-процессуальному законодательству РФ, изложены в ст. 97 УПК РФ, согласно которой, «дознатель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» [47].

Кроме этого, в соответствии с ч. 2 ст. 97 УПК РФ, «мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 524 УПК РФ» [47].

Также к основным положениям, предусмотренным УПК РФ, относящимся к мерам пресечения, можно отнести следующие:

- «лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по

подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью» [47] (ч. 3 ст. 10 УПК РФ).

- только суд, «в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий» [47] (ст. 29 УПК РФ);
- прокурор уполномочен «давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения» [47] (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- прокурор обязан «участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном статьей 126 УПК РФ» [47] (. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ)
- руководитель следственного органа обязан «давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения» [47] (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Кроме того, ст. 99 УПК РФ, предусмотрено, что «при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого,

его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства» [47].

Как отмечают М.О. Баев и В.И. Шукшин, «наиболее часто ситуации злоупотребления правом в ходе досудебного производства по уголовному делу возникают при наличии в уголовно-процессуальном законе оценочных категорий и понятий. В таких случаях в целях отделения необходимого и допустимого усмотрения от произвола и злоупотребления следователем правом законодатель ограничил его возможности при принятии подобных решений некими правовыми условиями, иначе говоря, ввел определенные правовые пределы для усмотрения» [10].

В уголовно-процессуальном законе это атрибутивное, непереносимое качество прогностических, промежуточных решений при осуществлении в особенности досудебного производства по уголовному делу зачастую опосредуется словосочетаниями «имея основания/достаточные основания полагать, что ...» либо иными по форме, но в сути своей обозначающими, что подобные решения могут быть приняты исключительно при наличии для того должных оснований.

В указанных случаях «при оценке достаточности оснований следует исходить из вероятностей, которые не имеют технико-юридической природы. Это - практические и фактические соображения повседневной жизни, которыми руководствуется в своих действиях здравомыслящий и разумный человек, но не специалист в узко юридических вопросах» [51, с. 223].

Несмотря на то, что данная рекомендация сформулирована Верховным Судом США, разумеется, по материалам следственной практики указанного государства [32, с. 19], проблема установления оснований для проведения отдельных процессуальных действий повышено актуальна относительно уголовного судопроизводства любого государства, следовательно, она вполне может быть экстраполирована на отечественную правоприменительную деятельность в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Как отмечают по этому поводу М.О. Баев и М.И. Шукшин, «в прагматическом отношении исследуемая проблема неразрывно связана с вопросами достоверности информации, лежащей в основе принятия рассматриваемых решений, и способов легализации соответствующих оперативно-розыскных данных. Иначе говоря, с оценкой достоверности этих данных, которые должны быть представлены следователю, отражены в материалах уголовного дела, а при необходимости судебного санкционирования принимаемого решения - представлены следователем в суд» [10].

Подводя итоги написания данного подраздела, отметим, что в настоящее время в РФ существуют определённые проблемы, прежде всего с практикой применения мер пресечения, в том числе, в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, разрешение которых возможно только путём совершенствования практики применения уже существующих норм законодательства деятельности, а также дальнейшая работа Пленума ВС РФ по систематизации обобщению наработанного опыта правового регулирования и выработке на этой основе новых и корректировке уже существующих рекомендаций по применению мер пресечения. В последующих разделах настоящего исследования будут рассмотрены наиболее актуальные, по мнению автора, проблемы применения мер пресечения в отечественном уголовном процессе и осуществлён поиск путей и способов их решения.

Глава 2 Отдельные меры пресечения в уголовном процессе России

2.1 Содержание под стражей, как исключительная мера пресечения

В данном разделе будет осуществлена попытка раскрыть содержание и сущность заключения под стражу в качестве меры пресечения.

Как отмечают Ю.В. Ендольцева и А.А. Козлова, заключение под стражу как мера пресечения, избираемая в отношении обвиняемого (подозреваемого), существенного ограничивает права личности. Данное обстоятельство порождает постоянно существующую и до сих пор не решённую проблематику обеспечения нарушения прав личности, в том числе недопущения незаконных и необоснованных задержаний и заключений под стражу. Интересно отметить, что проблематикой соблюдения прав и свобод, а также установления гарантий их реализации при заключении под стражу, занимались ещё отечественные учёные-правоведы конца XIX – начала XX веков (например, можно указать на П.И. Люблинского, И.В. Михайловского, И.Я. Фойницкого и других) [22].

С указанных пор до настоящего времени у учёных процессуалистов наибольший интерес среди тематики мер пресечения вызывает именно заключение под стражу. Как справедливо утверждает И.П. Петрухин, исследование заключения под стражу позволяет установить то, «какими методами осуществляется сдерживание преступности, что ставится во главу угла – контроль над преступностью или права человека, насколько гуманна и эффективна проводимая руководством страны уголовная политика» [37, с 54].

В результате проведённого анализа научной литературы, были установлены следующие признаки заключения под стражу как меры пресечения, которые позволят определить её понятие:

- Мера пресечения может быть назначена только после возбуждения уголовного дела.
- Решение об избрании меры пресечения принимается только предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством

субъектов в установленном порядке (специализированным государственным органом – судом самостоятельно на стадии судебного разбирательства, либо по ходатайству стороны обвинения на стадии предварительного расследования).

- Данная мера пресечения может быть избрана только в отношении двух участников уголовного судопроизводства: подозреваемый и (или) обвиняемый.
- Избирается исключительно при наличии предусмотренных УПК РФ оснований [52, с. 126].

Рассматривая перечисленные выше и предложенные И.М. Хапаевым признаки заключения под стражу как меры пресечения, отметим, что три из четырёх присущи всем без исключения мерам пресечения и не могут служить признаками только заключения под стражу (по принципу – признаки – это то, что выделяет среди других). Единственный указанный действительно отличительный признак – судебный порядок получения разрешения на заключение под стражу в действительности, является признаком групповым, выделяет группу мер пресечения, разрешение на применение которых получается в судебном порядке (наряду с залогом и домашним арестом). В связи с этим, вопрос о сущностных признаках заключения под стражу будет выяснен дополнительно.

Возможно, отличительным признаком заключения под стражу будет специфическая цель применения данной меры пресечения.

Представляется, что целью применения любой меры пресечения должно быть надлежащее обеспечение проведения уголовного судопроизводства способом заставить лицо имеющее статус подозреваемого или обвиняемого вести себя надлежащим образом (не уклоняться от явки по вызова следователя, дознавателя или в суд, не скрываться от органов предварительного расследования или суда, не воздействовать на свидетелей, потерпевших, других участников, иным незаконным образом не противодействовать расследованию преступления, не продолжать свою

противоправную деятельность). При этом, заключения под стражу по своей сути является наиболее действенной мерой пресечения. При её применении имеется наибольшая гарантия того, что выше обозначенные цели в своём большинстве будут достигнуты.

При этом, как отмечает А.Д. Бойков, иных целей УПК РФ для ареста не устанавливает, их расширительное толкование недопустимо [8, с. 93]. Одновременно с этим, А.Д. Бойков называет заключение под стражу «одним из средств пресечения преступлений и деморализации преступника и преступного сообщества» [8, с. 93], т.е., по сути, провозглашает данную меру в качестве орудия психического давления на принуждаемое лицо самой обстановкой следственного изолятора. В принципе, считается, что нахождение в следственном изоляторе лица, совершившего преступление в первые, действительно может иметь для последнего профилактический воспитательный эффект, однако данной целью не могут, и законом это так же запрещено, руководствоваться компетентные должностные лица, принимающие решение о заключении лица под стражу.

С таким мнением, как считает И.М. Хапаев, нельзя согласиться, поскольку подобная цель ареста свойственна инквизиционному типу процесса, что вступает в прямое противоречие с рядом конституционных принципов и принципов уголовного процесса [52, с. 126]. Например, запрет незаконного психологического и физического принуждения, кроме того, общеизвестно, что лишение свободы рассматривается по стандартам Европейского суда по правам человека как одна из форм пыток. В свою очередь, представляется, данное суждение не в полной мере правильное. Во-первых, избрание заключения под стражу как средства пресечения преступной деятельности подозреваемого или обвиняемого, который продолжает её заниматься, не смотря на возбуждение в отношении него уголовного преследования, является легально закреплённым основанием для избрания такой меры пресечения. Кроме того, стоит отметить, что уголовно-процессуальное законодательство определяет порядок и способы реализации

норм уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за совершение наиболее общественно-опасных нарушений норм отечественного законодательства (преступлений). Логично предположить, что успешная реализация таких предписаний в форме уголовного процесса будет иметь своим следствием «победу» над конкретным преступником, в том числе и в психологическом плане. Кроме того, психологическое воздействие может быть, как законным, так и незаконным. И деморализован преступник может быть, как от законных, так и от незаконных мер. Например, когда его преступная деятельность выявлена, задокументирована и он получил «заслуженную» меру пресечения на основании законного и обоснованного решения суда.

Также обратим внимание на то, что отдельные учёные указывают, что целью заключения под стражу в определённых случаях может быть ограждение от социума общественно опасных лиц [52, с. 126-127], что, естественно, у второй части процессуалистов вызывает определённые возражения. В качестве аргументов против указывается на то, что заключение под стражу не является наказанием, а только обеспечительной мерой, а значит и не может преследовать своей целью. Кроме этого как-то не гуманно провозглашать такие цели официально и в открытую [52, с. 126-127]. Однако представители данной позиции не учитывают, что, в качестве одного из оснований избрания заключения под стражу является необходимость пресечения продолжающейся противоправной деятельности лица, когда он, находясь на свободе продолжит заниматься своей преступной деятельностью. Кроме того, по определению требует изоляции то лицо, которое осуществляет попытку незаконной воздействовать на ход предварительного следствия. Справедливости ради также стоит отметить зарубежный опыт отдельных государств, например, США в которой возможен арест, если лицо представляет опасность для окружающих [50].

Кроме того, специфической целью ареста можно считать изоляцию лица от общества на определённый период времени, лишение возможности

последнего самостоятельно определять своё местонахождение, осуществление полного контроля над лицом. В данном случае речь не идёт об изоляции, как о самоцели. Дело в том, что заключение под стражу, являясь наиболее строгой мерой пресечения применяется только тогда, когда применение других мер пресечения не позволит достигнуть вышеперечисленных целей (обеспечение надлежащего уголовного судопроизводства). Иными словами, у государства не остаётся иного варианта, кроме как изолировать лицо от общества и держать его под постоянным контролем. Такие действия ещё можно назвать не целью, а способом воздействия на подозреваемого или обвиняемого.

С обозначенной позицией согласны и некоторые учёные. В частности, А.А. Катцып, который также подтверждает, что заключение под стражу состоит в физической изоляции лица от социума и то, что именно заключение под стражу является наиболее эффективной в вопросе достижения одновременной всех целей, которые ставятся перед применением мер пресечения [23, с. 9].

Вместе с тем, не вызывает сомнения и тот факт, что рассматриваемая мера пресечения наиболее строгая, больше, чем какая-либо другая ограничивает основополагающие права и законные интересы личности (право на свободу, на свободу передвижения, свободы почтово-телеграфной корреспонденции и прочие). В подтверждение этому, приведём позицию Н.И. Газетдинова, который также указывает на предельно допустимый уровень притеснения прав и свобод взятого под стражу лицу, в связи с чем, законодательство предусматривает ряд гарантий особого рода к которым необходимо отнести в том числе правило невозможности избрания иной более мягкой меры пресечения для достижения целей применения мер пресечения [18, с. 44].

Таким образом, представляется, что в качестве характеризующих признаков заключения под стражу как меры пресечения можно назвать её действенность и, одновременно с этим, максимально возможную строгость

применительно к лицу, заключаемому под стражу. Специфическая цель данной меры пресечения – временно лишить лица свободы, изолировав от общества, осуществлять круглосуточный контроль за ним и за его местонахождением посредством функционирования системы следственных изоляторов.

Характеризуя строгость заключения под стражу, можно привести слова О.И. Цоколова, который указал, что данная мера пресечения зачастую сравнивается и действительно имеет очень много схожих черт с таким видом наказаний как лишение свободы [54, с. 11].

Вместе с тем, отметим, что тезис о наибольшей эффективности и действенности заключения под стражу как меры пресечения отдельными учёными ставится под сомнение. К сторонникам такой позиции можно отнести З.Д. Еникеева, который считает, что подход к пониманию эффективности меры пресечения должен быть изменён. Должно быть не просто её действенность, то есть в какой мере, с какой степенью гарантированности она достигает своих целей, а и то, какие ресурсы для этого тратятся, являются разумными и сравнимыми достигаемые цели с уровнем прав и свобод лица, которые ограничиваются [21, с. 28].

Как представляется предлагаемое З.Д. Еникеевым понимание эффективности меры пресечения основывается на ст. 6 УПК РФ в которой определены цели и задачи уголовного судопроизводства в целом. В действительности, никакие другие положения УПК РФ и институты уголовного процесса не могут выходить за пределы фарватера задач уголовного судопроизводства в целом (одна из задач – обеспечение защиты прав и свобод граждан, попадающих в орбиту уголовного судопроизводства).

Соглашается с данной позицией также И.Г. Михайловская, по мнению которой «защитительная» функция уголовного процесса ориентирует практических работников уделять повышенное внимание именно, недопущению излишнего ограничения прав и свобод личности, даже при наличии к тому законных оснований, то есть экономии карательного

потенциала уголовно-процессуального закона. В целом, как отмечает И.Г. Михайловская, в обществе вопрос о том, что важнее – найти и наказать преступника, даже ценой нарушения его прав и свобод, а также, иных лиц, попадающих в «орбиту» отработки правоохранительных органов, или соблюсти баланс прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве – решён в пользу последних [33, с. 2]. Отметим, что вопрос, который поднимается И.Г. Михайловской имеет предельную важность для всей системы уголовного процесса, он устанавливает критерии равновесия двух противоположных составляющих, определяя его гуманную направленность.

Относительно вопроса об эффективности меры пресечения отметим также позицию И.Л. Петрухина, который также указывает на необходимость применения комплексного подхода к оценке эффективности мер пресечения, который заключается в совокупности показателя степени достижения цели и наличие реальной потребности в применениях той степени ограничений, которые устанавливаются данной мерой пресечения [52, с. 28].

С данной точкой зрения необходимо согласиться. В противном случае, следуя логике исключительно эффективности меры пресечения, стоило бы все остальные, кроме заключения под стражу отменить. В таком случае, уголовный процесс в части соблюдения возложенных на подозреваемого и обвиняемого обязанностей был бы обеспечен на все 100%. В связи с этим, обязательному учёту в данном вопросе подлежит необходимость обеспечения именно необходимого и целесообразного баланса между ограничиваемыми правами и свобода и необходимостью обеспечения целей уголовного судопроизводства в каждом конкретном случае.

Следующей важной «родовой» характеристикой заключения под стражу является то, что данная мера пресечения избирается исключительно в судебном порядке, применение иного порядка невозможно и не допустимо.

Нами был проведён анализ отдельных судебных решений, вынесенных по результатам судебного контроля за законностью избрания рассматриваемой меры пресечения. Отметим, что судами РФ довольно часто

выносятся решения, в которых, указывается на допущенные нарушения. Например, лицу был восстановлен срок апелляционного обжалования на решение суда о заключении последнего под стражу, в связи с тем, что на момент принятия такого решения последний скрывался от органов расследования и был объявлен в розыск, что послужило гарантией реализации возможности последнему обосновать свою позицию перед судом в вопросе законности избрания в отношении него такой меры пресечения [6], [35].

Как известно, существует легальное определение заключения под стражу, предусмотренное ч. 42 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, однако данное определение отражает «статичность» меры пресечения представляя её в виде пребывания лица в течении определённого промежутка времени в следственном изоляторе или в ином специальном месте. Представляется, что данное законодателем определение раскрывает анализируемое понятие только с функциональной стороны, не раскрывая его суть и основные признаки.

Учитывая проведённый анализ, можно сделать вывод о том, что заключение под стражу – это наиболее строгая, исключительная мера пресечения, состоящая в физической изоляции обвиняемого (подозреваемого) от общества и содержании его в специальном учреждении. Сущностной характеристикой заключения под стражу также является возможность полного контроля стороной обвинения за подозреваемым или обвиняемым, гарантированного обеспечения явки последнего для участия в следственных и процессуальных действиях по уголовному делу.

В качестве характеризующих признаков заключения под стражу как меры пресечения можно назвать её действенность и, одновременно с этим, максимально возможную строгость применительно к лицу, заключаемому под стражу. Специфическая цель данной меры пресечения – временно лишить лица свободы, изолировав от общества, осуществлять круглосуточный контроль за ним и за его местонахождением посредством функционирования системы следственных изоляторов.

Существуют два основных подхода к определению эффективности меры пресечения (в том числе, заключения под стражу). Первый из них предполагает обратить внимание исключительно на то, насколько он действительно, с какой гарантией удастся достичь целей применения меры пресечения, если её применить. В этом плане первенство, бесспорно, принадлежит только заключению под стражу. Согласно иного подхода, эффективность - это не просто действенность, это её соотношение с ресурсными затратами. Необходимо не просто обеспечить достижение целей с максимальной гарантией, но и сделать это при наименьших затратах (в нашем случае под «затратами» можно понимать, как экономические затраты государства, так и совокупность прав и свобод, которые «страдают» при применении конкретной меры пресечения). Во втором случае, заключение под стражу теряет свои позиции в значительной мере, поскольку для её обеспечения необходимы существенные ресурсные затраты государства, ограничиваются неотъемлемые конституционные права человека и гражданина.

Таким образом, заключение под стражу – это наиболее действенная мера пресечения в уголовном процессе, предоставляющая максимально возможную гарантию достижения своих целей способом временной изоляции лица от общества и постоянного контроля над его поведением, применение которой, так же связано с существенными ограничениями важных конституционных прав личности, что обуславливает необходимость экономии данной меры уголовно-репрессивного характера.

2.2 Применение мер пресечения, альтернативных заключению под стражу

В данном параграфе будут рассмотрены такие меры пресечения, как залог и домашний арест.

В первую очередь отметим, что мера пресечения в виде залога является наиболее «популярной» среди правозащитников и всех других кто критикует излишне, по их мнению, репрессивную направленность отечественного уголовно-процессуального законодательства. По их мнению, залог является наиболее демократичной и передовой мерой пресечения, способной нивелировать указанную направленность УПК РФ. Это связано в первую очередь с тем, что она не заключается в ограничении свобод человека, денежные средства или иное имущество передаётся подозреваемым, обвиняемым или иными лицами в их интересах добровольно, по собственной инициативе. Кроме того, применение самой меры пресечения возможно только по инициативе стороны защиты, а значит и претензии по поводу её применения вряд ли будут предъявляться.

В теории уголовного процесса отмечается, что уголовно-правовой институт залога функционирует уже достаточно давно, вместе с тем, практика его применения значительно отстаёт от текущего уровня социально-экономического развития общества и его потребностей. Тем более данная мера пресечения по мнению указанных учёных, является взаимовыгодной как для государства, так и для самого правонарушителя. Для примера, можно указать на Ю.А. Ковтуна, Р.М. Шевцова и Д.Н. Рудова, которые указывают на статистику заявления стороной защиты ходатайств об избрании залога и количества удовлетворённых [30]. Получается, что практически каждое заявленное ходатайство за редким исключением, судами удовлетворяется. Вызывает определённый интерес приводимая названными авторами статистика. Если в 2010 году по заявленным и удовлетворённым ходатайствам о применении залога и удовлетворённым цифры составляли 764 и 629

соответственно, то в 2014 году – 143 и 123 соответственно [30]. По какой-то причине количество заявленных ходатайств стороной защиты в РФ значительно уменьшается. Определить причины этому так же не представляется возможным в виду отсутствия достаточной информации. Кроме того, само по себе указание количества заявленных ходатайств и количество тех из них, которые были удовлетворены, не может свидетельствовать об эффективности их применения. Единственно верным показателем будет являться количество отменённых залогов, количество случаев, когда подозреваемый или обвиняемые скрылись от суда и следствия, осуществили другое нарушение условий данной меры пресечения, например, незаконно воздействовали на других участников уголовного судопроизводства и т.п. В результате осуществления поисков на доступных информационных ресурсах РФ, такие данные обнаружены не были.

Как известно существует легальное законодательное определение залога, предусмотренное ч. 1 ст. 106 УПК РФ. Соответственно указанного определения, можно выделить следующие сущностные признаки залога:

- Залог заключается в физической передаче определённой категории имущества от имени стороны подозреваемого или обвиняемого в адрес государства (в лице органа предварительного расследования или в лице суда) в фактическое распоряжении последних.
- Целью передачи таких денежных средств является обеспечение выполнения обязательств, возлагаемых на подозреваемого или обвиняемого.
- Моментом избрания залога может быть любой из моментов производства по уголовному делу.

Отдельные учёные, например О.И. Цоколова, Г.В. Костылева и другие, рассматривают сущность залога в уголовно процессе через аналогичную категорию в гражданском законодательстве [54]. В частности, проводятся аналогии и отмечается, что в случае неисполнения обязательства, кредитор (государство) удовлетворяет свой интерес за счёт денежных средств или

имущества залогодателя. Аналогичные положения содержатся и в гражданском законодательстве (ч. 1 ст. 334 Гражданского кодекса РФ [55]).

Вместе с тем, не смотря на очевидные «корни» и идеи залога, которая была заимствована из гражданского законодательства, проводить полную аналогию между уголовно – правовым и гражданско-правовым залогом неправильно и нецелесообразно. Государство не может быть удовлетворено только тем, что в его доход будет обращена определённая денежная сумма. Если в этом состоит «удовлетворение» государства, то последнее будет заинтересовано только в том, чтобы лица, отпущенные под залог, нарушали взятые на себя обязательства. То как недобросовестный кредитор заинтересован в невозврате кредита, обеспеченного ипотекой для извлечения ещё большей выгоды. Единственным интересом государства в сфере уголовного судопроизводства должно быть всегда отнюдь не получение прибыли, а соблюдение принципов, достижение целей и задач уголовного судопроизводства и если лицо, нарушит условия залога, то интересы уголовного судопроизводства будут так же нарушены и это никаким образом не будет связано с обращением взыскания на заложенное имущество.

Далее предлагаем разобраться в вопросе: каков характер принуждения действует при избрании меры пресечения в виде залога. По мнению Е.Г. Васильевой характер воздействия имеет в большей степени психологический характер (воздействие осуществляется на сознание личности). Так, в случае нарушение условий залога возникает опасность реального ухудшения экономического состояния лица, кроме того, нарушение данной меры пресечения неизбежно ведёт к обсуждению вопроса о назначении более строгой меры пресечения. Два перечисленных фактора в своей взаимосвязи, по сути, и формируют воздействие на личность подозреваемого или обвиняемого, заставляя последнего неукоснительно соблюдать возложенные на него обязанности [15, с. 92].

Другие учёные, например, А.С. Каретников и К.А. Арзамасцева, считают, что залог можно назвать сделкой между стороной обвинения и

стороной защиты со всеми вытекающими из данного определения сравнениями [24, с. 15]. На данное очередное ответвление в сторону гражданского законодательства отметим следующее. Двухсторонняя сделка, на которую указывается учёными может быть заключена только путём согласования воли обеих сторон. В рассматриваемом случае решение о применении залога в конечном итоге принимает суд, который, как известно, не относится к стороне обвинения, а выполняет роль «независимого арбитра». Позиция стороны защиты относительно желания избрания залога действительно имеет значение. Однако позиция стороны обвинения не является определяющей. Мнение следователя и прокурора, а также предоставленные ими доказательства конечно будут изучены и оценены судом, но как показывает статистика, большинство залогов удовлетворяются.

С другой стороны, А.Е. Григорьева указывает на наличие взаимных обязательств между органом предварительного расследования или судом с одной стороны и стороной защиты с другой, также проводя параллели с договором залога [16]. Опять же не согласимся с данным утверждением. Взаимные обязанности действительно возникают.

Со стороны государства (как представляется орган предварительного расследования или суд не выступают самостоятельными субъектами, в уголовном процессе, последние являются представителями именно государства), возникает обязанность бережно хранить переданное в залог имущество в сохранности, в неизменном виде, вернуть по окончании меры пресечения в случае отсутствия нарушений со стороны защиты и соответствующие права, если такие нарушения будут допущены.

Права и обязанности возникают и у подозреваемого или обвиняемого. Однако возникают они не в силу договора и определяются они не сторонами, а законом. Залог, как и любая другая мера пресечения – один из вариантов построения дальнейших взаимоотношений между стороной обвинения и стороной защиты, который избирается и применяется в установленном

законом порядке. Говорить об имплементации элементов гражданско-правового договора в меру пресечения, как представляется, недопустимо.

Далее ещё раз укажем на то обстоятельство, что инициатором избрания меры пресечения в виде залога может быть только сторона защиты либо иные лица, выступающие в их интересах (физические и юридические) (ч. 2 ст. 106 УПК РФ). Интересно определить по каким причинам законодатель установил запрет на инициирование данной меры пресечения следователем или дознавателем. Ответ, как представляется, кроется в желании ограничить возможный произвол со стороны правоохранительных органов, которым может быть дана команда обеспечить надлежащие денежные поступления в бюджеты, в результате чего залогов будут навязываться систематически и далеко не всегда по желанию подозреваемых и обвиняемых.

Вместе с тем, сам вопрос о возможности хотя бы предложить рассмотреть вопрос о целесообразности инициирования вопроса перед судом об избрании залога со стороны защиты, остаётся открытым. Так, следователь и дознаватель обязаны содействовать участникам процесса в реализации ими своих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). Почему бы в рамках такого содействия не разъяснить стороне защиты возможность избрания залога и другие сопутствующие перспективы, особенно в ситуации. Когда со стороны защиты имеются некоторые нарушения возложенных на них обязанностей, которые позволяют следователю ходатайствовать об избрании более строгой меры пресечения. В рамках такого вполне процессуального общения и может быть уяснён спорный вопрос и достигнут компромисс.

К предмету залога, в соответствии с требованиями ст. 106 УПК РФ может быть отнесён довольно широкий перечень имущества, которое может быть оценено материально [30]. Для целей оценки предмета залога Правительством РФ было принято специальное постановление [39].

Таким образом, как отмечают Р.З. Шамсутдинова и Ф.А. Абашева, сущность залога состоит изъятии имущества определённой стоимости из обращения одних лиц и в передачи их на хранение (распоряжение и

использование при соблюдении условий залога невозможно), тем самым временно лишаясь право их использования и распоряжения под риском их потери, в случае невыполнения возложенных на подозреваемого или обвиняемого обязательств [56].

Подводя промежуточный итог, отметим, что залог в качестве меры пресечения в уголовном процессе можно определить, как меры пресечения воспитательно-экономического характера, которая заключается в оказании воздействия на сознание подозреваемого путём заключения с последним договорённостей о соблюдении возложенных на подозреваемого (обвиняемого) обязательств под угрозой обращения имущества, внесённого в залог, в доход государства.

Отличительной чертой залога от других мер пресечения, прежде всего от заключения под стражу и домашнего ареста, является то, что он обеспечивается не физической невозможностью подозреваемого или обвиняемого нарушить взятые на себя обязательства (в силу постоянно нахождения под стражей или по месту жительства), а силой воли и сознанием самого лица, «стимулом» для которого является сохранение имущества внесённого в качестве предмета залога.

Далее рассмотрим особенности применения домашнего ареста. В первую очередь, укажем на отличительные и сходные признаки домашнего ареста с такими мерами пресечения, как заключение под стражу и залог. Сходные черты с заключением под стражу заключаются в том, что домашний арест так же является способом (формой) изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества, способом ограничения свободы его передвижения. Из того следует вывод о том, что рассматриваемую меру пресечения можно охарактеризовать как физико-принудительную, то есть ограничивающую лицо физически.

Вместе с тем, как справедливо замечает Т.К. Балтабаев и многие другие исследователи домашнего ареста, последняя мера пресечения является вариантом «мягкой» изоляции, которая позволяет на максимально

допустимом и целесообразном на этапе досудебного следствия или суда уровне, обеспечить реализацию других естественных и социально-экономических прав и свобод человека [9, с. 8]. Таким образом, домашний арест одновременно является и одним из вариантов временного лишения свободы человека в более «мягких» условиях и вместе с тем, альтернативой наиболее жёсткой меры пресечения в виде заключения под стражу.

Что же касается соотношения домашнего ареста и залога, то тут точки соприкосновения найти гораздо затруднительнее. В обеих мерах пресечения их нарушение может привести к назначению более строгой меры пресечения, однако это общее правило и для всех других мер пресечения, кроме заключения под стражу (по причине отсутствия более строгих). Также отметим, что в правоприменительной практике нередко случается, что залог и домашний арест назначаются подозреваемому или обвиняемому как альтернатива применению заключения под стражу. Довольно часто лицо оставляется задержанным или заключённым под стражу, если такая мера пресечения была избрана ранее, до внесения им или иными лицам ив его интересах необходимой денежной суммы на расчётный счёт органа предварительного расследования или суда. Таким образом, общей чертой домашнего ареста и залога можно признать то, что служат альтернативами применению такой меры пресечения как заключение под стражу.

В качестве отличительных черт, естественно, можно указать на отсутствие ограничения свободы передвижения и личной свободы лица, находящегося под залогом. Вместе с тем, домашний арест можно признать более демократичной мерой пресечения по причине того, что для её избрания не имеют значение имущественные возможности подозреваемого, обвиняемого или их окружения. Таким образом, для отдельной категории лиц домашний арест даже может стать лучше альтернативой чем залог.

Если рассмотреть исторические корни домашнего ареста, то как утверждает И.Я. Фойницкий, на тапе становления данной меры пресечения во времена Российской империи, последний применялся исключительно к

определённой категории привилегированных субъектов. Так, согласно Устава уголовного судопроизводства домашний арест мог быть применен вместо заключения под стражу к чиновникам высшего ранга, военначальникам, депутатам и прочим подобным лицам. Данное обстоятельство было связано с затруднением в реализации данной меры пресечения на практике для большего числа лиц [28, с. 143-144]. Отметим, что трудности в контроле за соблюдением требований данной меры пресечения являются проблемой и на современном этапе её применения.

Некоторые современные учёные, например, С.А. Александров, считают, что и в настоящий момент рассматриваемая мера пресечения имеет некоторый подтекст привилегий для «буржуазии и чиновничества». В частности, указанный учёный критикует законодательную инициативу Министерства юстиции РФ, в которой предлагалось установить дополнительные денежные взыскания (штрафы) за нарушение подозреваемыми или обвиняемыми установленных условий пребывания под домашним арестом, что является некоторой «подгонкой» под интересы привилегированных лиц [2, с. 224].

Согласимся с позицией С.А. Александрова только в части того, что установление штрафов за нарушение условий домашнего ареста нецелесообразно. А как тогда быть, если человек в силу своего имущественного положения не будет способен выплатить штраф? Изменять меру пресечения на более строгую? Исходя из этого, будет нарушен принцип равенства перед законом исходя из имущественного положения человека, поскольку более состоятельный оплатит штраф и продолжит пребывать под домашним арестом, избегая возможных неблагоприятных последствий.

Как представляется целенаправленное и злонамеренное нарушение условий пребывания под домашним арестом в перспективе должно иметь только одно из последствий – рассмотрение вопроса о целесообразности применения к такому лицу более строгой меры пресечения. В обратном случае нарушается сама суть и предназначения мер пресечения, их иерархия,

согласно которой, за нарушение более мягкой меры пресечения, может быть назначена более строгая.

Также в результате проведённого анализа содержания правил, устанавливаемых при применении домашнего ареста можно сделать вывод о том, что в нём соединяются две меры пресечения: подписка о невыезде и надлежащем поведении и арест. Если в отношении второго аналогии проводит практически каждый учёный, то относительно подписки о невыезде, вопрос остаётся спорным. Однако, безусловно, при установлении правил домашнего ареста, лицу может быть предоставлена возможность осуществлять трудовую деятельность согласно определённому рабочему графику, предоставлено время после окончания рабочего времени, посетить магазин для приобретения продуктов питания и других товаров первой необходимости. В последствии, в определённое время, лицо должно будет прибыть домой и соответственно, провести там ночь. По своей сути, то будет ни что иное как несколько «усложнённая обязанность подозреваемого или обвиняемого не покидать постоянное место жительства без разрешения следователя.

Далее рассмотрим вопрос о возможности назначения обвиняемому или подозреваемому одновременно нескольких мер пресечения. На данный момент, существует законодательный запрет на такую возможность в рамках одного уголовного дела (закон допускает применение нескольких мер пресечения в отношении одного лица по различным уголовным делам). Однако наличие нормативного запрета не исключает возможности обсуждения его снятия на доктринальном уровне.

Обратимся к истории правового регулирования мер пресечения. Ещё в Уставе уголовного судопроизводства Российской Империи допускалось применение более чем одной меры пресечения в отношении одного лица одновременно в связи с подозрением в совершении одного преступления [27, с. 89-90].

Таким образом, ранее подобная практика существовала. Чем она была вызвана и какой логикой руководствовался законодатель и правоприменитель,

на данный момент, не совсем понятно. Вероятнее всего, речь шла о мере пресечения, как и некотором виде ограничения наложенного на подозреваемого до суда. И таких ограничений, соответственно, могло быть несколько. В советский период, также существовал домашний арест, при этом законодательно предусматривалось два его вида: с назначением стражи или без её назначения (ст. 160 УПК РСФСР 1922 года и ст. 157 УПК РСФСР 1923 года).

Отметим также, что назначение стражи как способ обеспечения или правило осуществления домашнего ареста были предусмотрены и в некоторых альтернативных проектах УПК РФ. В частности, речь идёт о проекте, подготовленном Минюстом РФ (ст. 100 проекта [45, с. 3-63]).

Подводя некоторый промежуточный итог, отметим, что вопрос о допустимости назначения подозреваемому или обвиняемому более одной меры пресечения в связи с уголовным преследованием по одному преступлению является дискуссионным. На данном этапе развития уголовно-процессуального законодательства и науки уголовного процесса, недостаточно аргументов для разрешения вопроса в пользу данной позиции. Суд, следователь или дознаватель должны выбрать одну из предложенных УПК мер пресечения, которая, по их мнению, максимально эффективно и без излишнего и неоправданного нарушения прав и свободы человека, позволит решить задачи и достичь целей уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу.

Однако далеко не всегда мера пресечения правила которой максимально подходят под конкретно-сложившуюся ситуацию расследования уголовного дела удаётся реализовать и применить на практике, что делает отдельные меры пресечения малоэффективными (не в силу недостатков правового регулирования, а в силу отсутствия надлежащего правоприменительного опыта, уровня организации, финансирования и т.п.). Не является исключением и домашний арест.

В частности, как отмечает А.С. Александров, главными факторами крайне негативного отношения следователей и дознавателей к домашнему аресту и залогу является то, что каждая из них по отдельности не способна в полной мере удержать обвиняемого от её нарушения, если ему это действительно выгодно и необходимо [3, с. 84]. Фактически обе эти меры пресечения «держаться» на их добровольном исполнении подозреваемым или обвиняемым (исключение домашний арест с применением технических средств контроля). Никто «не ходит» за ними и «не смотрит» как они исполняются.

Меры, принимаемые исполнительными инспекциями со всей очевидностью недостаточны и не системны по причине отсутствия необходимого количества сотрудников и времени на контроль за поведением находящихся под домашним арестом.

Так, А.С. Александровым были произведены опросы российских следователей и дознавателей относительно вышеописанных ситуаций, по результатам которых было установлено, что 78% респондентов указали на отсутствие условий для реального исполнения данной меры пресечения, невозможность проконтролировать поведения обвиняемого или подозреваемого в полной мере, место его нахождения (только эпизодично) и даже далеко не во всех случаях обеспечивает явку таких лиц к следователю или дознавателю для производства следственных и процессуальных действий [3, с. 85].

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным отказаться от доминирующего в правовой доктрине канона, согласно которого в отношении одного лица в рамках одного уголовного дела может быть избрана только одна мера пресечения. Для этого, считаем необходимым внести корректировки в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, дополнив соответствующим указанием на возможность избрания в отношении обвиняемого, подозреваемого одной или нескольких мер пресечения.

Исключение должно составлять заключение под стражу как наиболее строгая мера пресечения сочетание которой с иными нецелесообразно и на практике не применимо. Вопрос же о необходимости сочетания других мер пресечения, соответственно, должен быть отнесён к компетенции дознавателя, следователя или суда. Для примера это будет означать что в отношении лица может быть избрана соответственно мера пресечения в виде домашнего ареста и залога.

В подведение итогов рассмотрение применения домашнего ареста в качестве альтернативы заключения под стражу, отметим следующее:

Во-первых, применение меры пресечения в виде домашнего ареста по своей сути и содержанию имеет много общего с процедурой применения заключения под стражу. Обе они рассматриваются в судебном порядке по ходатайству стороны обвинения. К обеим мерам пресечения установлены ограничения для применения данной меры пресечения к преступлениям, за которые не предусмотрено назначение наказания в виде лишения свободы и т.п. Кроме того, обозначенные меры пресечения связаны с ограничением права на свободу передвижения. Различия заключаются только в степени ограниченности указанного права и в более «облегчённом» режиме пребывания лица под домашним арестом.

Во-вторых, домашний арест как мера пресечения может быть определена следующим образом: уголовно-процессуальная мера физико-принудительного характера заключающаяся, в зависимости от степени возложенных на лицо ограничений, в ограничении свободы передвижения последнего, в том числе в лишении свободы в пределах своего жилого помещения, свободы общений, обмена и доступа к информации, средствам связи и управления транспортными средствами, обеспечиваемая (контролируемая) за счёт специальных технических средств, проверочных мероприятий сотрудниками УИН и других правоохранительных органов, а также личной волей лица в отношении которого избрана указанная мера пресечения.

В-третьих, характеризуя домашний арест как меру пресечения по критерию наличия добровольного или принудительного её исполнения, отметим, что она обладает как признаками добровольности исполнения, так и принудительности. За находящимся под домашний арестом, может быть осуществлён контроль при помощи технических средств, при помощи сотрудников (периодические проверки, дежурства в районе места отбывания ареста, проверка поступившей информации о возможном нарушении условий ареста и т.п.). Во всех остальных случаях лицо, находящееся под домашним арестом вполне свободно при наличии соответствующей воли располагает возможностью покинуть место пребывания, нарушить все установленные запреты и, даже скрыться от органов следствия и суда. В связи с этим, важной характеристикой домашнего ареста является добровольно-принудительный характер его исполнения.

Данное обстоятельство, кроме того, порождает и проблему данной меры пресечения. Если лицу, находящемуся под домашним арестом станет «невыгодно» ждать суда, вряд ли ему что-то помешает податься в бега, чего не скажешь про заключение под стражу которая, не смотря на свой «радикальный» характер всё-таки остаётся наиболее надёжной мерой пресечения когда-либо изобретённой человечеством.

В-четвертых, главной отличительной чертой домашнего ареста от заключения под стражу является «вариативность» первого и, соответственно, неизменность содержания второго. Если в случае с домашним арестом, суд может самостоятельно регулировать «жесткость» условий содержания лица под домашним арестом (время нахождения по месту жительства, возможность использования средств связи, возможность осуществления трудовой деятельности и т.п.), то в случае с заключением под стражу, это невозможно.

2.3 Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым

Вопросы присмотра за несовершеннолетним в качестве альтернативной меры пресечения урегулированы ст. 105 УПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 105 УПК РФ, «присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым состоит в обеспечении его надлежащего поведения, предусмотренного статьей 102 настоящего Кодекса, родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится, о чем эти лица дают письменное обязательство» [47].

Анализ положений данной нормы, показывает, что целями присмотра за несовершеннолетним являются те же цели, которые преследуются при назначении других мер пресечения. При этом, учитывая, что в указанной норме предусмотрена ссылка на ст. 102 УПК РФ, которая регулирует вопрос подписки о невыезде, также решаются следующие задачи: «не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда; в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу» [47].

Подписка о невыезде и надлежащем поведении состоит в письменном обязательстве подозреваемого или обвиняемого, совершать перечисленные выше действия. В этом же, фактически заключается и рассматриваемый в настоящем параграфе присмотр за несовершеннолетним. Таким образом, возникает первое предположение о том, что присмотр за несовершеннолетним является аналогом (разновидностью) подписки о невыезде [17, с. 185-187].

Однако, следующая особенность присмотра за несовершеннолетним, придаёт данной мере существенную специфику, поскольку обязанность контроля за поведением несовершеннолетнего в таком случае, возлагается на определённую категорию субъектов: родители, опекуны, попечители или

друге заслуживающие доверия лица, а также должностные лица специализированного детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый или подсудимый. Таким образом, существенное отличие от подписки о невыезде заключается в том, что в этом случае лицо, в отношении которого избрана такая мера пресечения самостоятельно контролирует своё поведение и выполняет соответствующие обязанности, то в случае с присмотром за несовершеннолетним, такая обязанность возлагается не на него, а на тех лиц, которые несут ответственность за его поведение.

Определённые вопросы вызывает порядок избрания такой меры пресечения. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 105 УПК РФ, перед избранием такой меры пресечения, «дознаватель, следователь или суд разъясняет лицам, указанным в части первой настоящей статьи, существо подозрения или обвинения, а также их ответственность, связанную с обязанностями по присмотру» [47].

Во-первых, относительно данной нормы, отметим, что в 2007 году перечень субъектов, которым предоставлено право (возложено полномочие) «разъяснять», дополнено прокурором [48], [49]. Из буквального изучения данной нормы, неясно, кто же всё-таки из перечисленных должностных лиц обязан сделать соответствующие разъяснения. Например, при производстве предварительного следствия, когда дело находится в производстве у следователя, может ли данные действия совершить прокурор? Может тот же прокурор (государственный обвинитель) разъяснить указанные вопросы при назначении присмотра за несовершеннолетним обвиняемым при рассмотрении дела в суде? Представляется, что логичным и обоснованным является установление правила, согласно которому данную обязанность выполняет то должностное лицо, в производстве которого на момент принятия решения о данной мере пресечения находится уголовное дело. Соответственно, это дознаватель, следователь, прокурор на стадии проверки дела, суд в производстве которого находится соответствующее уголовное

дело. Однако, достоверно сделать данный вывод из буквального толкования данной нормы не представляется возможным [57 с. 85-86].

Выявленная неточность должна быть устранена способом внесения изменений в ч. 2 ст. 105 УПК РФ. Однако это не единственное предлагаемое изменение. Как представляется избрание данной меры пресечения возможно и допустимо только при совокупности двух условий (по сути, из содержания ст. 105 УПК РФ ясно, что законодатель установил одно единственное условие – несовершеннолетний возраст лица в отношении которого избирается мера пресечения). Во-первых, согласие на применение данной меры пресечения, а значит и на возложения на себя соответствующих обязанностей должны высказать родители, попечители и другие предусмотренные в ч. 1 ст. 105 УПК РФ лица. Это связано с тем, что именно данные лица должны будут нести ответственность за поведение несовершеннолетнего. Как быть, если подросток находится в таком состоянии, когда контроль за его поведением может и не обеспечить достижение целей ст. 102 УПК РФ и целей применения меры пресечения? Если родительский контроль утрачен? Если ранее несовершеннолетний неоднократно не подчинялся требованиям учреждения в котором он находится (при отсутствии родителей?).

В конце концов, как быть если преступное деяние несовершеннолетним было совершено в отношении своих родителей, других членов семьи, в отношении администрации специализированного учреждения в котором он находится, в отношении других содержащихся там детей? Кроме того, самый основной вопрос заключается в том, поддается ли несовершеннолетний такому воспитательному воздействию и контролю, который может обеспечить его надлежащее поведение? Представляется что именно перечисленные обстоятельства, а именно согласие перечисленных субъектов взять на себя ответственность и объективная возможность контроля за поведением несовершеннолетнего должны быть основными критериями при назначении данной меры пресечения.

Кроме того, существенным недостатком рассматриваемой статьи, является отсутствие процедуры принятия данной меры пресечения, из её содержания можно сделать вывод о том, что обязанности по присмотру за несовершеннолетним, а также ответственность в отношении уполномоченных «субъектов контроля» могут быть разъяснены и после избрания такой меры пресечения [57, с. 86].

Учитывая вышеизложенное, предлагается следующая редакция ч. 2 ст. 105 УПК РФ:

«Основанием для избрания данной меры пресечения, кроме несовершеннолетнего возраста лица, в отношении которого она избирается, являются согласие лиц, перечисленных в части первой настоящей статьи, принять на себя соответствующие обязанности, а также объективная возможность контроля за поведением несовершеннолетнего со стороны указанных лиц, его способность к воспитательному воздействию, наличие у таких лиц авторитета, позволяющего влиять на поведение несовершеннолетнего лица.

Перед избранием данной меры пресечения, при получении от лиц, указанных в части первой настоящей статьи согласия на присмотр за несовершеннолетним, лицо в производстве, которого на момент избрания меры пресечения находится уголовное дело (дознаватель, следователь, прокурор или суд), разъясняет лицам, указанным в части первой настоящей статьи, существо подозрения или обвинения, а также их ответственность, связанную с обязанностями по присмотру».

Далее укажем, что в соответствии с ч. 3 ст. 105 УПК РФ, «к лицам, которым несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый был отдан под присмотр, в случае невыполнения ими принятого обязательства могут быть применены меры взыскания, предусмотренные частью четвертой статьи 103 настоящего Кодекса» [47].

Глава 3 Актуальные проблемы применения мер пресечения в современном уголовном процессе в Российской Федерации

3.1 Законодательные вопросы регламентации мер уголовно-процессуального принуждения в УПК РФ

Отметим, что в виду важности и актуальности темы мер принуждения в уголовном судопроизводстве для государства и общества, а также в виду сравнительно большого количества видов мер пресечений и мер принуждений в уголовном судопроизводстве, учёными и практикам в данной сфере выделяется множество проблем, которые требуют своего решения. Охватить весь перечень таких проблем и дискуссионных вопросов в рамках одного исследования будет весьма проблематичным. По этой причине в рамках данного раздела будут выделены отдельные, по нашему мнению наиболее существенные проблемы основных альтернативных заключению под стражу мер пресечения и предприняты попытки их решения.

Основания и процессуальный порядок избрания меры пресечения в виде залога изложен в ст. 106 и 108 УПК РФ. Рассмотрим некоторые аспекты подробнее.

Как уже упоминалось в предыдущем подразделе уже указывалось на то, что исключительным правом инициировать рассмотрение вопроса о применении залога наделён подозреваемый, обвиняемый, его защитник, другие физические и юридические лица, действующие в их интересах.

Относительно двух последних категориях лиц («другие физические и юридические лица, которые действуют в интересах подозреваемого или обвиняемого»), Р.З. Шамсутдинов и Ф.А. Абашева, указывают, что фактически, правом заявлять соответствующее ходатайство обладают лица, не относимые законом к участникам уголовного процесса [56]. Представляется, что с позицией перечисленных учёных можно согласиться. Названные лица не относятся законодателем ни к одной из групп участников уголовного

судопроизводства (сторона защиты, сторона обвинения, иные участники), однако, фактически являются его участниками при определённых предусмотренных в законе обстоятельствах. Причём речь идёт не просто о ситуационном участии, а о взаимных правах и обязанностях. Такие лица, внося предмет залога, добровольно передают его. Вместе с тем, сами правоотношения с государством сохраняются, поскольку в случае, соблюдения подозреваемым или обвиняемым условий залога, залог подлежит возврату, а значит такой залогодатель имеет право требовать и получить предмет залога. Кроме того, в случае если будут установлены соответствующие нарушения, то предмет залога, подлежит обращению в доход государства.

Таким образом, необходимо признать, что субъект действующий в интересах подозреваемого или обвиняемого является факультативным участником уголовного судопроизводства. В свою очередь, в таком случае возникает закономерный вопрос к какой из групп участников его необходимо отнести, и по какой причине в отдельной норме или, хотя в отдельной части нормы, не установлены его права и обязанности.

Также отметим, что в соответствии с ч. 6 ст. 106 УПК РФ, если залог вносится указанными лицами, то следователь или дознаватель обязан разъяснить такому лицу существо подозрения или обвинения предъявленного лицу, в интересах которого вносится предмет залога, а также другие связанные с обвинением существенные обстоятельства и разъясняются последствия нарушения меры пресечения, в том числе, потеря предмета залога.

Представляется, что данный вопрос требует дальнейших разработок. В частности, необходимо установить право такого лица обжаловать решения об изменении условий залога, обжаловать решение об обращении предмета залога в доход государства, поскольку такие решения имеют своим единственным последствием обращение предмета залога являющегося собственностью залогодателя в доход иному субъекту.

В свою очередь, Р.З. Шамсутдинов и Ф.А. Абашева полагают, что вышеуказанные лица должны быть исключены из орбиты уголовного процесса. В качестве одной из причин учёные указывают на то, что ознакомление лиц, действующих в интересах обвиняемого или подозреваемого с существом обвинения и другими данными предварительного расследования, вступает в противоречие с положениями ст. 161 УПК РФ, предусматривающего недопустимость разглашения данных предварительного расследования. В связи с этим, по мнению Р.З. Шамсутдинова и Ф.А. Абашева, необходимо наделить правом внести ходатайство о применении залога только подозреваемого или обвиняемого (защитников), а, в свою очередь, правом непосредственно внести залог – в том числе и указанных иных лиц [56]. Рассмотрим целесообразность данного предложения несколько подробнее.

В соответствии с ч. 2 ст. 160.1 УПК РФ, предоставлено право следователю или дознавателю предупредить любого из участников уголовного процесса о недопустимости без его разрешения, разгласить тайну предварительного расследования и взять соответствующую письменную подписку. Исходя из этого, на первый взгляд, можно сделать вывод о том, что лица, действующие в интересах подозреваемого или обвиняемого, не могут быть предупреждены таким образом об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования, поскольку такие лица не указаны в разделах УПК, посвящённых участникам уголовного судопроизводства. Однако подобный вывод представляется слишком однобоким, без учёта фактического содержания уголовно-процессуального закона. Выше уже было обосновано, что такие лица имеют взаимосвязанные и взаимообусловленные права и обязанности в сфере уголовного процесса, что и делает их его участниками. А значит, соответственно этому, могут предупреждаться об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования.

Кроме того, в качестве рекомендации, представляется целесообразным, следователю, дознавателю или суд допросить таких лиц в качестве свидетелей по уголовному делу, выяснив, взаимоотношения с подозреваемым или обвиняемым, информированность о преступлении, установив в ходе допроса в полной ли мере лицо осознаёт тот риск, на который оно идёт, предоставляя денежные средства в залог и прочие подобные вопросы. В таком случае, вопрос об участнике или не участнике уголовного процесса будет лишён сам собой.

Далее укажем на следующие существенные обстоятельства. Отметим, что ч. 3 т. 106 УПК РФ установлены минимальные суммы залога в зависимости от категории уголовных дел. Для уголовных дел о преступления небольшой или средней тяжести, такой размер не может быть «менее пятидесяти тысяч рублей, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях - менее пятисот тысяч рублей» [47]. В свою очередь, для определения конкретного размера залога с учётом выше обозначенных ограничений, суд должен учесть характер совершённого преступления (чем большая тяжесть преступления, чем более опасней наступившие последствия, тем выше сумма залога), личность лица в отношении которого залог избирается (лицо, характеризующееся положительно, может рассчитывать на некоторое уменьшение суммы залога),

В случае, если предметом залога являются денежные средства, то последние подлежат внесению на депозит органа предварительного расследования или суда. После принятия залога должностным лицом соответствующего органа оставляется протокол, одна из копий которого вручается передавшему залог лицу. Данное правило предусмотрено в ч. 5 ст. 106 УПК РФ.

Также существенным правилом для данной меры пресечения является установления судом срока, в течении которого залог подлежит внесению. Несоблюдение данного срока по сути, будет означать невыполнение стороной защиты взятых на себя обязательств и означать необходимость рассмотрения

вопроса о применении иной меры пресечения. Если суд принимает решение о применении залога после того, как подозреваемый был задержан, то в таком случае, задержание признаётся законным и его срок продляется до внесения залога, но не более чем на пять суток.

Предметом залога может быть недвижимое имущество, движимое имущество в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению акций и облигаций (ч. 1 ст. 106 УПК РФ). Соответствующие понятия содержатся в гражданском, гражданско-процессуальном и иных отраслях права. Неслучайно поэтому в процессуальной литературе отмечается, что в основе залога лежит гражданское право [38], что следует исходить из положений гражданского законодательства. При этом прямой аналогии гражданско-правовых норм при применении залога быть не должно, но его сущность отчасти определяется гражданско-правовой природой, и это необходимо учитывать [56].

В гражданском праве в соответствии с ч. 1 т. 334 ГК РФ, предметом залога может быть «всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права, за исключением имущества, на которое не допускается обращение взыскание».

Далее обратим внимание на следующий существенный аспект. Фактически, согласившись на применение залога, государство в лице соответствующих органов, не несёт никаких дополнительных финансовых затрат (кроме тех, которые связаны с финансированием работы суда и правоохранительных органов, но эти затраты были бы в любом случае). Неисполнение сделки может быть экономически невыгодно не только стороне защиты, которая несёт имущественные потери и рискует быть заключённой под стражу, но и самому государству, которое, в случае взятия лица под стражу, будет финансировать его содержание, питание, лечение и прочее [32, с. 22]. С данным утверждением также согласны и некоторые другие учёны [29, с. 16].

Так же не можем не согласиться с Химичевой О.В., Плоткиной Ю.Б., которые справедливо заметили, что нередки случаи, когда по итогам судебного следствия происходит существенная переквалификация действий подозреваемых, обвиняемых, поскольку следователи, дознаватели порой искусственно завышают квалификацию инкриминируемых деяний [59, с. 21].

В результате проведённого исследования были получены выводы, которые будут изложены в конце настоящей главы.

Далее рассмотрим проблемы регламентации домашнего ареста. Основаниями избрания домашнего ареста являются общие основания, предусмотренные в ст. 97 УПК РФ, которые уж были рассмотрены в предыдущих разделах данной работы. Кроме того, домашний арест может быть применен только в случае если за преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо может быть назначено наказание в виде лишения свободы (по умолчанию свыше трёх лет, при определённых условиях и на меньший срок). Иными словами, домашний арест избирается в порядке и на основаниях, предусмотренных для заключения под стражу (ч. 3 ст. 108 УПК РФ) с учётом особенностей, установленных ст. 107 УПК РФ.

Далее обратим внимание на то, что в соответствии с ч. 3 ст. 108 УПК РФ домашний арест принимается только судебным решением, однако мнение о том, что только суд может в одностороннем порядке решить такой вопрос, не вполне обоснованно, хотя такое мнение существует [42]. В противовес данной позиции, другие учёные отмечают, что для того, чтобы домашний арест мог состояться в реальности, необходимо предварительно получить согласие лиц, которые проживают в помещении где планируется пребывание арестованного. Получение данного согласия является обязательным условием, без которого данная мера пресечения избрана быть не может [5, с. 104-105].

Кроме того, данная позиция нашла своё подтверждение в некоторых нормативно-правовых актах подзаконного характера принятых во исполнение норм УПК относительно организационных моментов применения домашнего ареста.

Как видно из анализа положений ст. 110 УПК РФ, для избрания домашнего ареста не имеет определяющего значение мнение (позиция) подозреваемого, обвиняемого или его защитников. Естественно, данная позиция выясняется, предоставленные аргументы и доказательства рассматриваются и принимаются во внимание, однако, не являются определяющими. В то же время, при установлении места, где лицо будет отбывать домашний арест невозможно обойтись без утвердительного слова стороны защиты о том, что подозреваемый или обвиняемый действительно проживает в конкретном месте, о том, что там имеются все необходимые условия для проживания (электро-, тепло-, водоснабжение, возможность приготовить пищу и т.п.).

Далее предлагаем рассмотреть проблему реализации принципа состязательности в непривычном аспекте. В последние годы в научной литературе неоднократно отмечается, что в отличие от прав стороны защиты, от прав обвиняемого, подозреваемого, права, возможности и интересы потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства охраняются в значительной меньшей степени. Как представляется, это действительно так, и находит своё проявление в том числе при рассмотрении судом вопроса о применении домашнего ареста [4, с. 224-225]. В частности, потерпевший не наделён правом знакомиться с материалами уголовного дела, предоставленными следователем в суд для обоснования меры пресечения, не наделён правом заявлять ходатайства об установлении конкретных условий домашнего ареста, его мнение даже не выясняется относительно целесообразности применения домашнего ареста. На досудебной стадии уголовного судопроизводства адресатом его ходатайств может выступать только следователь. Если в суде рассматривается ходатайство последнего, то потерпевший, не приглашённый в судебное заседание, вообще оказывается «отрезанным» от «разбирательств» по уголовному делу по которому ему причинён ущерб.

Вышеописанная ситуация представляется крайне несправедливой, то есть нарушающей принцип справедливости при расследовании уголовного дела. Мнение потерпевшего относительно целесообразности избрания именно домашнего ареста, относительно меры его строгости (то есть ограничений), должно обязательно быть представлено в суд. Естественно, его позиция не должна быть определяющей, поскольку она будет иметь исключительно субъективный характер. К тому же не исключены случаи, когда перед судебным заседанием сторона защиты просто «купит» потерпевшего. Как известно, целью применения меры пресечения является исключительно необходимость надлежащего обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства. В связи с этим только под этим аспектом и должно рассматриваться ходатайство о домашнем аресте. Даже если потерпевшему к момент судебного рассмотрения будет в полном объёме компенсирован причинённый преступлением вред, это ещё не будет означать, что подозреваемый или обвиняемые не скроется от следствия или суда, не предложит заниматься преступной деятельностью или иным образом не воспрепятствует предварительному следствию.

Кроме того, представляется целесообразным при рассмотрении отдельных спорных вопросах об установлении ограничений, выяснять позицию представителей УИН о возможности и целесообразности осуществления контроля за теми или иными значимыми моментами поведения подозреваемого или обвиняемого.

Далее предлагаем рассмотреть вопрос об ограничениях и запретах, которые могут быть установлены при избрании домашнего ареста. В результате проведённого анализа ч. 2 ст. 175 Модельного УПК стран СНГ, установлено, что такими ограничениями могут быть следующие:

- Запрет покидать пределы жилья в полной мере или в определённый промежуток времени.
- Запрет осуществления телефонных переговоров, обмена корреспонденцией.

- Запрет общения с указанными в постановлении лицами и принимать их у себя.
- Применение технических средств контроля.
- Обязанность отвечать на периодические контрольные телефонные звонки на стационарные номера или лично являться в определенное время в орган дознания или другой орган, осуществляющий надзор за поведением обвиняемого (подозреваемого).
- Установлением наблюдения за обвиняемым (подозреваемым) или его жилищем [3, с. 82-83].

Как мы можем видеть перечень возможных ограничений, которые могут быть установлены согласно Модульному проекту УПК, значительно больший, чем тот, которые предусмотрен в УПК РФ. Представляется, что расширение и дифференциация возможных ограничений при домашнем аресте придадут данной норме ещё большие возможности и гибкости. В связи с этим, на данном этапе развития уголовно-процессуального законодательства, необходимо рассмотреть возможность заимствования опыта создателей указанного проекта.

Далее рассмотрим следующие проблемные моменты, связанные с устанавливаемыми при применении домашнего ареста ограничениями. Так в соответствии с п.п. 2-4 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, суд может установить ограничения в отношении лица, которые по своей сути связаны с ограничением права на свободу общения и переписки, тайну телефонного и телеграфной корреспонденции.

Отдельные учёные, например, В.Ю. Мельников, полагают, что данные ограничения сами по себе незаконны, поскольку они ограничиваются в ином установленном в уголовном законодательстве порядке. В связи с чем, по мнению учёного суду предварительно необходимо будет устанавливать наличие соответствующих законных оснований, предусмотренных иными нормами УПК (предусматривающих порядок получения разрешения не контроль почтовой и иной корреспонденции, нарушения тайны переписки и

т.п.) [27, с. 90]. Данная позиция представляется неправильной, поскольку запрет или ограничение делать что либо, например, обмениваться корреспонденцией почтовой или посредством сети «Интернет», запрет общения со всеми или с определёнными людьми, во-первых, не нарушает её тайну (как таковая тайна вообще не возникает, поскольку утаивать нечего, никакого общения и обмена информацией не будет), во-вторых, не является следственным или процессуальным действием. Рассматриваемые ограничения или запреты являются частью условий меры пресечения и применения к установлению таких условий порядка получения разрешения для производства отдельного следственного действия, причём судебного порядка, является абсурдом.

Подводя итоги написания данного подраздела, отметим следующее.

- а) Применение меры пресечения в виде домашнего ареста по своей сути и содержанию имеет много общего с процедурой применения заключения под стражу. Обе они рассматриваются в судебном порядке по ходатайству стороны обвинения. К обеим мерам пресечения установлены ограничения для применения данной меры пресечения к преступлениям, за которые не предусмотрено назначение наказания в виде лишения свободы и т.п.
- б) Главной отличительной чертой домашнего ареста от заключения под стражу является «вариативность» первого и, соответственно, неизменность содержания второго. Если в случае с домашним арестом, суд может самостоятельно регулировать «жесткость» условий содержания лица под домашним арестом (время нахождения по месту жительства, возможность использования средств связи, возможность осуществления трудовой деятельности и т.п.), то в случае с заключением под стражу, это невозможно.
- в) В целях совершенствования правового регулирования применения домашнего ареста, считаю необходимым внести следующие изменения и дополнения в УПК РФ:

- 1) дополнить ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ положением о том, что для обеспечения исполнения обвиняемым запретов и ограничений суд может изъять паспорт у обвиняемого;
- 2) дополнить ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ указанием на то, что в случае избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, которая подразумевает ограничение в свободе передвижения в части запрета покидать территорию государства, соответствующая информация должна передаваться в Службу пограничной охраны. В таком случае, возможность пересечь границу у подозреваемого (обвиняемого) в направлении «выезд» будет только в случае наличия соответствующего письменного разрешения дознавателя, следователя или суда. Возможно также организация обмена информацией между следственными подразделениями и пограничной службой в электронной форме посредством защищённых каналов передачи информации, что существенно ускорит и упростит данный процесс;
- 3) орган предварительного расследования должен быть наделён полномочием скорректировать во внесудебном порядке в сторону послабления режима домашнего ареста (но не его отмены). Судебный контроль в данном случае нецелесообразен.

Кроме того, относительно проблем применения такой меры пресечения, как залог, укажем следующее:

- Институт залога как уголовно-процессуальной меры пресечения имеет комплексное правовое регулирование как УПК РФ, так и гражданским законодательством РФ (как Гражданским кодексом РФ, так и другими актами гражданского законодательства регулирующие вопросы обращения имущества на территории государства). Гражданский сегмент правового регулирования ограничен и действует только в силу прямого указания на то в

законе). В случае конкуренции норм приоритет имеют положения УПК РФ.

- Представляется, что необходимо на законодательном уровне установить правило, согласно которого, сумма залога не может быть меньшей суммы материального ущерба, причинённого преступлением. В случае если на момент рассмотрения вопроса о применении залога, такая сумма с точностью установлена не была, то суду и стороне обвинения необходимо предпринять соответствующие меры.
- Суд должен самостоятельно решать, какая сумма для залогодателя будет адекватной, чтобы она была доступна для него и одновременно была существенной, чтобы обеспеченность беспрепятственное производства по уголовному делу.
- Субъект действующий в интересах подозреваемого или обвиняемого является факультативным участником уголовного судопроизводства. В свою очередь, в таком случае возникает закономерный вопрос к какой из групп участников его необходимо отнести, и по какой причине в отдельной норме или, хотя в отдельной части нормы, не установлены его права и обязанности. Данный вопрос требует дальнейших разработок. В частности, необходимо установить право такого лица обжаловать решения об изменении условий залога, обжаловать решение об обращении предмета залога в доход государства, поскольку такие решения имеют своим единственным последствием обращение предмета залога являющегося собственностью залогодателя в доход иному субъекту.

3.2 Проблемы практики применения отдельных мер пресечения в уголовном процессе

Применение домашнего ареста, как и заключения под стражу, происходит в судебном заседании и основывается на принципе состязательности стороны обвинения и защиты. Данный принцип находит своё выражение в том, что сторона защиты заблаговременно до начала судебного заседания будет ознакомлена с материалами уголовного дела, которыми следователь подтверждает своё ходатайство, каждая из сторон вправе обосновывать свою позицию предоставлением доказательств, критиковать позицию противоположной стороны [27, с. 143]. Суд должен принять независимое и законное решение по результату беспристрастной оценки доводов и доказательств, предоставленных каждой из сторон на предмет соответствия уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, как отмечают В.М. Баранов, М.В. Баранова и И.П. Гладышева, подача следователем или дознавателем в суд ходатайства об избрании меры пресечения является одной из форм проявления функции уголовного преследования стороной обвинения в уголовном процессе [12, с. 26-27], что, соответственно, должно быть уравновешено реализацией соответствующей функции стороны защиты.

Нарушение принципа состязательности при рассмотрении ходатайств о домашнем аресте следует относить к грубым нарушениям норм УПК. Последствия такого нарушения должно быть направление материалов на новое судебное рассмотрение. Для большей наглядности, рассмотрим пример из судебной практики. Так, решением судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда было признано незаконным и необоснованным постановление одного из районных судов об избрании обвиняемому меры пресечения в виде домашнего ареста, соответствующие материалы были направлены на новое судебное рассмотрение [7].

Основанием для принятия такого решения послужило установленное областным судом нарушение принципа состязательности. Как было установлено судом, при задержании подозреваемого у последний заявил ходатайство о допуске к участию в деле защитника, последний был допущен, участвовал при производстве с задержанным соответствующих следственных и процессуальных действий. Однако, в ходе рассмотрения в суде ходатайства, от подозреваемого не поступало ходатайств об отказе от услуг защитника, в предоставленных материалах дела так же не имелись соответствующие письменные отказы подозреваемого. Кроме этого, районный суд учитывая фактическое отсутствие защитника подозреваемого, не предпринял меры к привлечению к участию в деле иного защитника, не предложил подозреваемому привлечь нового защитника самостоятельно (вопрос защитника не поднимался вообще). Таким образом, лицо, взятое под домашний арест, не просто было лишено реализации своего права на защиту посредством привлечения к участию в уголовном деле защитника, но и был нарушен принцип состязательности, поскольку наличие профессионального защитника в значительной степени уравнивало бы возможности стороны защиты в сравнении со стороной обвинения.

Также, рассмотрим проблему обеспечения надлежащего применения домашнего ареста. Как уже указывалось выше, одной из главных проблем домашнего ареста, которая существенно понижает его статус в глазах практических работников, является отсутствие реальных возможностей обеспечить непрерывный действенный контроль за его применением.

Для примера рассмотрим следующие ситуации. В РФ отсутствует практика применения технических средств контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым места пребывания при домашнем аресте, да и собственно, отсутствуют такие технические средства. В таких условиях всё бремя контроля возлагается на личный соответствующих учреждений исполнения наказаний, которые, естественно, не имеют возможности обеспечить круглосуточный контроль. В условиях так называемой второй по

строгости меры пресечения, когда «на бумаге» он как бы изолирован от общества, а в действительности имеет довольно существенные возможности бесконтрольно нарушать установленные ограничения.

Кроме того, обратим внимание насколько «тяжело» обходить некоторые устанавливаемые запреты. Например, запрещено пользоваться «Интернетом». Допустим, что интернет отключили (отрезали, отсоединили кабель). Но это не мешает преступнику при наличии договорённости или применении иных технических средств подсоединиться к вай-фай точке соседа или другой расположенной неподалёку квартиры. Или вообще, сообщникам последнего по его просьбе установить точку доступа к интернету в автомобиле рядом с местом жительства сообщив преступнику пароль. Запрет обойдён и причём легко. Выявить такой обход трудно.

Далее, запрещено общаться посредством телефонной связи, но запрет не может распространяться на случаи вызова скорой помощи, экстренных служб и другие случаи. А значит, в квартире должен находиться телефонный аппарат, как минимум стационарный. А если его нет, но и мобильный. Как проконтролировать отсутствие у лица заранее подготовленных или переданных сим-карт? Ответ очевиден, только если наблюдать за жильём постоянно или контролировать всё помещение в режиме онлайн 24 часа в сутки 7 дней в неделю. По очевидным причинам обеспечить то возможно только при применении технических средств контроля, в том числе аудио-видеоконтроля помещений, подходов к нему.

Кроме того, отметим самый главный, как представляется негативный момент в домашнем аресте. Если подозреваемый или обвиняемый примет сознательное решение скрыться от следствия или суда, нарушив меру пресечения, ему в этом никто и не что не помешает, поскольку он ограничен в свободе лишь формально, в силу возложения на него обязанности находиться по указанному адресу. По сути, выполнение этой обязанности добровольно, основано на воле такого лица, его никто не принуждает, не препятствует покинуть помещение. Единственным последствием совершения такого

поступка является задержание лица, покинувшего место пребывания домашнего ареста и решение об избрании в отношении него более строгой меры пресечения.

Однако от момента нарушения обвиняемым условий домашнего ареста, а по сути, от момента побега, до его задержания, может пройти слишком большой промежуток времени, лицо может быть не поймано вообще и примеров таких достаточно.

Вышеуказанные обстоятельства не отменяют важности и значимости, а также потенциала домашнего ареста, однако свидетельствуют о несовершенстве правового регулирования условий применения данной меры пресечения и соответствующую необходимость поиска путей и способов решения проблемы.

Заключение

В результате написания данной дипломной работы, была достигнута её цель, а именно, в результате произведённого исследования разработаны дальнейшие предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части применения мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста, что позволило сделать следующие выводы и предложения:

- а) Мера пресечения - это уголовно-процессуальная мера принудительного воздействия, применяемая на основаниях и в порядке, установленном УПК, дознавателем, следователем и судом в отношении обвиняемого (подозреваемого) и которая заключается в установлении для последнего временных ограничений или лишения прав и свобод, в целях недопущения возможности скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, продолжать заниматься преступной деятельностью, препятствовать производству по уголовному делу, а также, в целях обеспечения исполнения возможного приговора. Сущностной характеристикой меры пресечения является то, что она носит обеспечительный характер и направлена на создание надлежащих условий для выполнения обязанностей возложенных на подозреваемого или обвиняемого при условии, что возникли риски невыполнения указанными участниками таких обязательств. Данные риски, в случае их воплощения, существенно затрудняют установление истины по уголовному делу, могут привести к невозможности отправления правосудия, привлечения лица к уголовной ответственности, к уничтожению доказательств, оказанию незаконного влияния на свидетелей и других участников и прочим негативным последствиям, которые или существенно затрудняют, или делают

невозможными достижения целей уголовного судопроизводства в целом.

- б) В настоящее время существуют определённые проблемы, прежде всего с практикой применения мер пресечения, в том числе, в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, разрешение которых возможно только путём деятельности Верховного суда по систематизации обобщению наработанного опыта правового регулирования и выработке, на этой основе, соответствующих рекомендаций по применению мер пресечения. Кроме уже наработанного собственного правового опыта по применению рассматриваемых мер пресечения, целесообразно рассматривать и перенимать уже сформированные стандарты и правоприменительный опыт зарубежных государств.
- в) В качестве характеризующих признаков заключения под стражу как меры пресечения можно назвать её действенность и, одновременно с этим, максимально возможную строгость применительно к лицу, заключаемому под стражу. Специфическая способ реализации данной меры пресечения – временно лишить лица свободы, изолировав от общества, осуществлять круглосуточный контроль за ним и за его местонахождением посредством функционирования системы следственных изоляторов.
- г) Существуют два основных подхода к определению эффективности меры пресечения (в том числе, заключения под стражу). Первый из них предполагает обратить внимание исключительно на то, насколько он действенно, с какой гарантией удастся достичь целей применения меры пресечения, если её применить. В этом плане первенство, бесспорно, принадлежит только заключению под стражу.
- д) Заключение под стражу – это наиболее действенная мера пресечения в уголовном процессе, предоставляющая максимально возможную

гарантию достижения своих целей способом временной изоляции лица от общества и постоянного контроля над его поведением, применение которой, так же связано с существенными ограничениями важных конституционных прав личности, что обуславливает необходимость экономии данной меры уголовно-репрессивного характера и существенными экономическими затратами государства.

- е) Залог в качестве меры пресечения в уголовном процессе можно определить, как меру пресечения воспитательно-экономического характера, которая заключается в оказании воздействия на сознание подозреваемого путём заключения с последним договорённостей о соблюдении возложенных на подозреваемого (обвиняемого) обязательств под угрозой обращения имущества, внесённого в залог в доход государства. Отличительной чертой залога от других мер пресечения, прежде всего от заключения под стражу и домашнего ареста, является то, что она обеспечивается не физической невозможностью подозреваемого или обвиняемого нарушить взятые на себя обязательства (в силу постоянно нахождения под стражей или по месту жительства), а силой воли и сознанием самого лица, «стимулом» для которого является сохранение имущества внесённого в качестве предмета залога.
- ж) Институту залога свойственно комплексное правовое регулирование, прежде всего нормами УПК РФ, а в ряде ситуаций и нормами ГК РФ и другими законодательными актами, регулирующими вопросы относительно правовых режимов и обороноспособности конкретных видов имущества. В случае конкуренции норм, приоритет имеют положения УПК. Кроме того, чтобы залог как мера пресечения соответствовал своему назначению и был результативен, сумма залога не может быть меньше суммы причиненного ущерба в результате преступления. В-третьих, суд

должен самостоятельно решать, какая сумма для залогодателя будет адекватной, чтобы она была доступна для него и одновременно была существенной, чтобы обеспеченность беспрепятственное производства по уголовному делу.

- з) Целесообразно отказаться от доминирующего в правовой доктрине канона, согласно которого в отношении одного лица в рамках одного уголовного дела может быть избрана только одна мера пресечения. Для этого, считаем необходимым внести корректировки в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, дополнив соответствующим указанием на возможность избрания в отношении обвиняемого, подозреваемого одной или нескольких мер пресечения. Исключение должно составлять заключение под стражу как наиболее строгая мера пресечения сочетание которой с иными нецелесообразно и на практике не применимо. Вопрос же о необходимости сочетания других мер пресечения, соответственно, должен быть отнесён к компетенции дознавателя, следователя или суда. Для примера, это будет означать что в отношении лица может быть избрана соответственно мера пресечения в виде домашнего ареста и залога.
- и) Применение меры пресечения в виде домашнего ареста по своей сути и содержанию имеет много общего с процедурой применения заключения под стражу. Обе они рассматриваются в судебном порядке по ходатайству стороны обвинения. К обеим мерам пресечения установлены ограничения для применения данной меры пресечения к преступлениям, за которые не предусмотрено назначение наказания в виде лишения свободы и т.п. Кроме того, обозначенные меры пресечения связаны с ограничением права на свободу передвижения. Различия заключаются только в степени ограниченности указанного права и в более «облегчённом» режиме пребывания лица под домашним арестом.

- к) Главной отличительной чертой домашнего ареста от заключения под стражу является «вариативность» первого и, соответственно, неизменность содержания второго. Если в случае с домашним арестом, суд может самостоятельно регулировать «жесткость» условий содержания лица под домашним арестом (время нахождения по месту жительства, возможность использования средств связи, возможность осуществления трудовой деятельности и т.п.), то в случае с заключением под стражу, это невозможно.
- л) В целях совершенствования правового регулирования применения домашнего ареста, считаю необходимым внести следующие изменения в УПК РФ:
- 1) дополнить ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ положением о том, что для обеспечения исполнения обвиняемым запретов и ограничений суд может изъять паспорт у обвиняемого. Данное нововведение необходимо в виду явных проблем с обеспечением технического контроля за исполнением домашнего ареста, поскольку, до настоящего момента, отсутствует полноценная система предупреждения выезда подследственных и подсудимых, за пределы государства. В связи с этим, есть потребность в реализации простого, но эффективного средства «фиксации» обвиняемого хотя бы в пределах уголовно-процессуального законодательства;
 - 2) дополнить ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ указанием на то, что в случае избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, которая подразумевает ограничение в свободе передвижения в части запрета покидать территорию РФ, соответствующая информация должна передаваться в Службу пограничной охраны ФСБ РФ. В таком случае, возможность пересечь границу у подозреваемого (обвиняемого) в направлении «выезд» будет только в случае наличия

соответствующего письменного разрешения дознавателя, следователя или суда. Возможно также организация обмена информацией между следственными подразделениями и пограничной службой в электронной форме посредством защищённых каналов передачи информации, что существенно ускорит и упростит данный процесс;

- 3) орган предварительного расследования должен быть наделён полномочием скорректировать во внесудебном порядке в сторону послабления режима домашнего ареста (но не его отмены). Судебный контроль в данном случае нецелесообразен.

Предлагается следующая редакция ч. 2 ст. 105 УПК РФ:

«2. Основанием для избрания данной меры пресечения, кроме несовершеннолетнего возраста лица, в отношении которого она избирается, являются согласие лиц, перечисленных в части первой настоящей статьи, принять на себя соответствующие обязанности, а также объективная возможность контроля за поведением несовершеннолетнего со стороны указанных лиц, его способность к воспитательному воздействию, наличие у таких лиц авторитета, позволяющего влиять на поведение несовершеннолетнего лица.

Перед избранием данной меры пресечения, при получении от лиц, указанных в части первой настоящей статьи согласия на присмотр за несовершеннолетним, лицо в производстве, которого на момент избрания меры пресечения находится уголовное дело (дознаватель, следователь, прокурор или суд), разъясняет лицам, указанным в части первой настоящей статьи, существо подозрения или обвинения, а также их ответственность, связанную с обязанностями по присмотру».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александров А.С. Проблемы применения ареста в отношении предпринимателей // Уголовный процесс. - 2011. - № 1. - С. 62-69.
2. Александров А.С. Домашний арест: критика предложений МЮ РФ по изменению статьи 107 УПК РФ // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избрание меры пресечения судом: науч.-практ. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н.А. Колоколова. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. - С. 224-237.
3. Александров А.С. Домашний арест как мера в уголовном процессе // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 52 – 54.
4. Александров А.С. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: обновленный вид, проблемы — старые // Уголовное право. 2012. N 2. С. 82-89.
5. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. М. : Юрлитинформ, 2012. - 456 с.
6. Апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 27.05.2014 по делу N 22-1346/14 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=185471&dst=100033> (дата обращения: 15.11.2018).
7. Апелляционное постановление Нижегородского городского суда от 10.05.2018 № 10-8583/2018// URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=997151&dst=100044> (дата обращения: 17.05.2021).
8. Бойков А.Д. Новый УПК Российской Федерации, его правовая и криминологическая характеристика // Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9.

9. Балтабаев К.Т. Домашний арест в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Караганда, 2001. – 28 с.

10. Баев М.О., Щукин В.И. Проблемные вопросы установления оснований для избрания меры пресечения // ППД. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-ustanovleniya-osnovaniy-dlya-izbraniya-mery-presecheniya> (дата обращения: 24.11.2018).

11. Баранов С.А. Цели применения меры пресечения в виде залога в современном уголовном процессе // Бизнес в законе. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-primeneniya-mery-presecheniya-v-vide-zaloga-v-sovremennom-ugolovnom-protseste> (дата обращения: 15.11.2018).

12. Баранов С.А. О понятии мер пресечения в российском уголовном процессе // Вестник ПАГС. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-mer-presecheniya-v-rossiyskom-ugolovnom-protseste-1> (дата обращения: 24.11.2018).

13. Воронов Д.А. Домашний арест как мера безопасности: состояние и перспективы развития / Д.А. Воронов // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2 (78). – С. 86–89.

14. Воронов Д.А. Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: монография / Д.А. Воронов; под ред. Б.Б. Булатова. – Барнаул, 2010.

15. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа : РИО БашГУ, 2003. С. 92.

16. Григорьева А.Е. Вопросы теории и практики избрания следователями органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. – 24 с.

17. Гринев В.А., Амиралиева Э.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым): теоретико-правовой анализ // Символ науки. 2017. № 2. С. 185-187.

18. Газетдинов Н.И. О необходимости и обоснованности заключения под стражу // Российский судья. - 2009. - № 4. - С. 44

19. Дежнев А.С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних при применении мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста (по материалам судебной практики) // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-interesov-semi-i-nesovershennoletnih-pri-primenenii-mer-presecheniya-v-vide-zaklyucheniya-pod-strazhu-i-domashnego-aresta-po> (дата обращения: 15.11.2018).

20. Даньшина Л.И. Меры пресечения при производстве по уголовному делу/ Л. И. Даньшина. - М., 1991. – 148 с.

21. Еникеев З.Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения. Казань, 1982.

22. Ендольцева Ю.В., Козлова А.А. Процедура принятия судом решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: перспективы совершенствования // Вестник Московского университета МВД России. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsedura-prinyatiya-sudom-resheniya-ob-izbranii-mery-presecheniya-v-vide-zaklyucheniya-pod-strazhu-perspektivy-sovershenstvovaniya> (дата обращения: 24.11.2018).

23. Катцып А.А. О сущности заключения под стражу как вида государственного принуждения в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. – 2013. - № 2. – С. 7-12.

24. Каретников А.С., Арзамасцева К.А. Упрощение процесса применения залога как условие повышения его эффективности // Законность. - 2011. - N 7. – С. 142-144.

25. Кочесокова З.Х., Машекуашева М.Х. Преступления террористической направленности как серьезная угроза безопасности государства, общества и личности. Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 117-119.

26. Капинус, Н.И. Меры пресечения в российском уголовном процессе // Следователь. - 1998. - № 8. – С. 24-28.

27. Колоскова С.В. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: доктринальный и юридико-технический анализ / С.В. Колоскова, Л.М. Фетищева // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2013. - № 4 (34). - С. 89–93.

28. Колоскова С.В., Фетищева С.М. Применение домашнего ареста в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. - № 5. - С. 143-144

29. Колоколов Н.А. Залог, домашний арест: становление практики (статья 2) // Российский следователь. - 2011. - N 12. – С. 75-82.

30. Ковтун Ю.А., Шевцов Р.М., Рудов Д.Н. Мера пресечения залог: проблемы теории и практики // Бизнес в законе. 2014. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mera-presecheniya-zalog-problemy-teorii-i-praktiki-primeneniya> (дата обращения: 19.05.2021).

31. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе / В.А. Михайлов. - М., 1996. – 178 с.

32. Максимова Е.Ю. Проблемы применения залога в уголовном процессе // Российский судья. - 2010. - N 5. – С. 46-49.

33. Михайловская И. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. - 2002. - № 7. – С. 56 – 58.

34. Минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила): приняты 14.12.1990 Резолюцией № 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.

35. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 06.06.2012 N 22-3372/2012 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SARB&n=36194&ds t=100032> (дата обращения: 15.11.2018).

36. Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В.Н. Григорьева. - М. : Книжный мир, 2004. С. 144-148
37. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: Монография. М., 2009. 146 с.
38. Полуяктова Н. Выпустить под залог // ЭЖ-Юрист. 2012. № 8.
39. Постановление Правительства РФ от 13.07.2011 N 569 «Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности» // Собрание законодательства РФ. – 2011. - № 29. Ст. 4490.
40. Проект УПК РФ, подготовленный Министерством юстиции РФ // Российская юстиция. 1994. N 11. С. 35-63.
41. Руднев В.И. О необходимости разработки новых мер пресечения, альтернативных заключению под стражу // Журнал российского права. 2009. №6 (150). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-razrabotki-novyh-mer-presecheniya-alternativnyh-zaklyucheniyu-pod-strazhu> (дата обращения: 19.05.2021).
42. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., доп. и перераб. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»
43. Тройнина И.С. Понятие и система мер пресечения в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник ВГУ. Серия: Право. - 2011. - № 10. - С. 493-49.
44. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М. : Издательство «Юрайт», 2012. – 1016 с.
45. Уголовный процесс: Общая часть. Учебное пособие / к.ю.н. У.А. Тухташева. - Т. : Издательство ТГЮИ, 2011. - 482 с.
46. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. --М. : КНОРУС, 2008. – 645 с.

47. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. согл. ФЗ от 30 апреля 2021 г. № 111-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

48. Федеральный закон от 22 апреля 2004 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 17. Ст. 1585.

49. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. ФЗ от 22 декабря 2014 г. № 427-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

50. Уголовно-процессуальный кодекс штата Нью-Йорк (Criminal Procedure Law of the state of New York). URL.: <http://ypdcrime.com/cpl/> (дата обращения 28.11.2018 года)

51. Харзинова В.М. Понятие и виды мер процессуального принуждения // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 222.

52. Хапаев И.М. Понятие и значение меры пресечения в виде заключения под стражу в уголовном судопроизводстве // Северо-кавказский юридический вестник. – 2014. – С. 126-128.

53. Химичева О.В., Плоткина Ю.Б. О некоторых проблемах применения залога на досудебном производстве по уголовным делам // Российский следователь. - 2008. - N 11. – С. 35-41.

54. Цоколова О.И., Костылева Г.В., Муженская Н.Е., Данилова С.И. Домашний арест и залог как меры пресечения // СПС «КонсультантПлюс».

55. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. согл. ФЗ 30 апреля 2021 г. N 107-ФЗ) // Собрании законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301

56. Шамсутдинова Р.З., Абашева Ф.А. Процессуальные проблемы применения меры пресечения в виде залога в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 3.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-problemy-primeneniya-mery-presecheniya-v-vide-zaloga-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 19.05.2021).

57. Курочкин А.Д. Об избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. №1. С. 85-89.